

ДЕРЕВЯННЫЕ ЗАМКИ БЕЛАРУСИ XIV–XVII ВЕКОВ (СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

ГЕНАДЗЬ СЕМЯНЧУК

Гродно, Кафедра археологии и этнологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Беларусь

Istorijos mokslų daktaras, Gardino Jankos Kupalos valstybinio universiteto Archeologijos ir etnologijos katedros docentas Genadzijus Semiančiukas gimė 1963 m. spalio 6 d. Volkovyse (Gardino sritis), 1985 m. baigė Gardino universiteto Istorijos fakultetą, 1993 m. apgynė daktaro disertaciją „Polocko žemės formavimasis ir plėtra IX–XIII a. pirmojoje pusėje“ (mokslinis vadovas prof. Georgijus Štychovas). Pagrindinės mokslinių interesų sritys – viduramžių Baltarusijos archeologija, VI–XVI a. Baltarusijos politinė, socialinė ir kultūros istorija, regionų istorija (ypač Volkovyso ir Gardino sričių). Dėstė ir stažavosi Lenkijos universitetuose (Poznanėje, Krokuvoje, Varšuvoje), Slovėnijoje (Liubiana), Vilniuje. Nuo 1988 m. savarankiškai vykdo archeologinius piliakalnių tyrimus Baltarusijoje. Yra atradęs ir paskelbęs medžiagą apie naujus X–XIII a. Polocko žemės, Volkovyso piliakalnius, senąsias XI–XVII a. gyvenvietes Braslave ir Drysviatuose, tyrinėjo XV–XVIII a. miesto kultūrinius sluoksnius Gardine. Europos archeologų asociacijos narys nuo 2006 m.

G. Semiančiukas yra paskelbęs apie 180 mokslinių publikacijų. Svarbesni darbai: *Археалогія Беларусі*, bendraautoris Сергей Пивоварчик, Гродно, 2 dalys, 1996–1997; „Пачатковы этап фарміравання тэрыторыі Полацкай зямлі (IX–X стст.)“, *Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук*, 1991, Nr. 3, p. 66–74; „Полацкая зямля ў XII – першай палове XIII стст. (змены ў адміністрацыйна-палітычнай і тэрытарыяльных структурах)“, *Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук*, 1992, Nr. 3–4, p. 41–49; „Grodno w średniowieczu i w czasach nowożytnych (w świetle źródeł archeologicznych)“, *Archeologia Historica Polona*, Toruń, 1996, Nr. 3, p. 259–272; „Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны)“, bendraautoris Алексей Шаланда, *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, Białystok, 1999, t. 11, p. 18–44; „Księstwo Wsiesława Briaczysławicza ‚Czarodzieja‘“, *Pomorze, Mazowsze, Prusy. Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza*, Gdańsk, 2000, Nr. 7, p. 169–180; „Раннесредневековой археологической комплекс Дрисвяты“, *Lietuvos archeologija*, Vilnius, 2001, t. 21, p. 299–310; „Да праблемы генезісу і функцыянальнага прызначэння раннясярэднявечных умацаваных паселішчаў-замкаў на тэрыторыі Беларусі“, *Castrum, urbis et bellum*, Баранавічы, 2002, p. 349–361; „Усяслаў і Яраславічы. Спецыфіка палітычных адносін Полацка і Кіева ў другой палове XI ст.“, *Україна в Центральна-Східній Європі (з найдавніших часів да XVIII ст.)*, Київ, 2002, d. 2, p. 38–58; „Wstęp do archeologii historycznej Białorusi“, *Archeologia Historica Polona*, 2005, t. 15/2, p. 273–285; „Stan badań i możliwości badawcze archeologii przedlokacyjnych i lokacyjnych miast na ziemiach białoruskich“, *Procesy lokacyjne miast w Europie Środkowo-Wschodniej*, Wrocław, 2006, p. 317–326; „Zabudowa dworska Czerlony w XVI – pocz. XX w.“ ір „Czerlona – sarpieżańska włość nad Niemnem“, *Czerlona z dziejów rezydencji*, Białystok, 2008, p. 27–74; „Полацкая зямля ў «Повести временных лет»“, *Silva rerum nova. Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі*, Вільня–Мінск, 2009, p. 247–257.

Относительно дефиниции «замок» в современной науке преобладают архитектурные, археологические и историко-социологические характеристики. В первом случае (архитектурном) «замок» – это одна из форм поселения, которая имеет следующие архитектурные элементы: фортификационные системы (деревянные или каменные стены, валы и рвы, башни-донжоны, ворота и мосты), жилые (дворцы), сакральные (каплицы и храмы) и хозяйственные (конюшни, пивоварни, пекарни, склады). В результате развития европейской фортификационной мысли исследователи архитектуры *militaris* выделили несколько основных оборонительных комплексов, характерных для отдельных исторических эпох: городища, замки, укрепленные города, крепости.¹ Первые были типичными для ранних фаз средневековья, другие и третьи для развитого и позднего средневековья, а последние – для нового времени.

В другом случае (археологическом) «замок» является одной из категорий археологических памятников, которые характеризуются оборонительной системой, формой и размерами поверхности, спецификой жилого и хозяйственного строительства, мощностью

культурных слоев, наличием специфических предметов (элементы вооружения и снаряжения всадников, разнообразные украшения и прочие ювелирные предметы, культовые предметы индивидуального пользования), занятия населения. Специалисты археологи для обозначения раннесредневековых поселений с названными чертами используют термин «городище», который в определенном смысле является тождественным понятию «замок».

С точки зрения историко-социологической, «замок» – это княжеская или частная резиденция, которая обычно хорошо укреплена и выполняла роль административного, военного, хозяйственного и культурно-религиозного центра государственных или частных владений. Замки, расположенные вдоль государственных границ, выполняли в первую очередь функции пограничных форпостов. Последние могли быть как государственными, так и частными.

Отмеченная многозначность понятия «замок» является следствием, во-первых, сложности явления, а во-вторых, его разносторонности. Более того каждая из характеристик не противоречит себе, а наоборот взаимно дополняется. Как считает польский исследователь

Лешек Кайзер, *«pojęcia „zamek” nie ma potrzeby ograniczać do budowli murowanych. Nazwę tę stosować należy do założeń o walorach obronno-mieszkalnych (także o funkcjach gospodarczych i administracyjnych), związanych z określonym etapem rozwoju społecznego.»*² Замок одновременно был укрепленной резиденцией сеньера (не только королевской или княжеской, а вообще крупных вельмож), это значит, одновременно объектом фортификационного искусства и элементом гражданской и военной власти. Вместе с тем это была частная собственность, а не коммунальная, центр владений и усадьба частновладельческой единицы, её службы и властителей, место с другим значением, чем укрепленный город.

Еще одно замечание относительно терминологии. Понятию «замок» в восточнославянских летописях отвечают лексемы «град» и «двор». Термин «замок» в языке населения Великого Княжества Литовского с XIV в. постепенно вытесняет и заменяет предыдущее – «град». Именно «замок» с этого времени начинает обозначать центральный пункт обороны городов, который был окружен оборонительными сооружениями, а также фортифицированное место, предназначенное для проживания и защиты князя, а также крупного светского или духовного вельможи. Вместе со словом «miasto/места» лексема «замок» – наиболее распространенное обозначение всех укрепленных поселений на территории Беларуси, Литвы и Украины вплоть до конца XVIII в.³ Это было главной причиной широкого использования слова «замок» в белорусской топонимике и урбанимике: Верхний и Нижний замок в Полоцке и Витебске, Старый и Новый замки в Гродно, Замоквая гора в Браславе, Замоквая гора и Малый замок в Новогрудке, Замок в Дрисвятах, Замчище в Волковыске и другие; Замэчек, Замковище, Замковщина, Замчиско, Замок королевы Боны и др. Эти названия обозначают остатки средневековых городищ и исторические центры городов.⁴ Интересное наблюдение – урбонимы «замок» и производные от его формы имеются в каждом городе Беларуси, который возник в раннем средневековье (до XIV в.). Кстати, в литовском языке «piliakalnis» также переводится как «замковая гора». Необходимо отметить, что в современном русском языке слово «замок» имеет позднюю метрику (XVIII–XIX вв.) и попало в него из польского, через посредничество белорусского. Такая лингвистическая ситуация является ярким свидетельством большой разницы в формах и типах оборонительного искусства Великого Княжества Литовского и Московского княжества.

Известно, что «замок» появляется там и тогда, где формируются в обществе феодальные отношения, особенно один из важнейших

элементов этих отношений – крупная частная земельная собственность (князя, религиозных институтов, бояр/шляхты) и постепенная её иммунизация. Для истории народов Центральной и Восточной Европы долгое время была принята марксистско-ленинская версия генезиса феодализма, которая была представлена в работах Б. Грекова, Б. Рыбакова, В. Мавродина, В. Пашуты, Л. Черепнина и др. Согласно ей, феодальное государство и его основы (частная собственность на землю, и вассальная зависимость) на территории расселения восточных славян формируются уже на границе VIII–IX в. и до X–XI вв. этот процесс заканчивается. Именно центры частных владений (князей или бояр) того времени объявлялись уже «феодальными замками». Более того, раннесредневековые государства сразу признавались классовыми, а отношения между классами антагонистическими. И это всё способствовало развитию укрепленных поселений как пунктов защиты феодалов от недовольства зависимых крестьян.

С вышепредставленной позицией советских историков невозможно согласится, потому что раннесредневековые государства на территории Восточной Европы не имели классических черт феодального строя. Это не был феодализм, который строился на ленной системе и вассально-бенефициальных связях, а так же двух основных принципах этой системы – земельных владениях и личной зависимости. Не «классические» феодальные социально-политические и экономические отношения были характерны для государств первых Пястов на территории Польши, Пшемьслидов в Чехии, Арпадов в Венгрии, княжеств Рюриковичей на Руси в X–XIII вв., а также Великого Княжества Литовского от Миндовга вплоть до времен Ягайлы и Витовта. Польский медиевист Кароль Модзелевски удачно назвал данную социально-политическую систему *«system prawa książęcego»*.⁵

Смысл этой системы состоит в обложении всего населения разнообразными обязанностями, которые складывались из разветвленной системы даней и повинностей, исполнение которых обеспечивало содержание княжеского двора и нормальное функционирование государства. Социальная лестница в *«systemie prawa książęcego»* складывалась из находящегося на верху князя, который являлся фомальным хозяином всей земли в княжестве, вельмож, свободных воинов-дружинников и крестьян, а также многочисленных категорий полусвободных и рабов. Исключительная роль князя во всех сферах жизни раннесредневекового государства не может рассматриваться как абсолютизм. С самого начала монархии действовали силы, которые успешно ограничивали самовластие князей. Правда, роль вельмож в названной политической системе тоже

нельзя переоценивать, потому что эта группа полностью зависела и была подчинена князю. Её престиж и высокое экономическое положение находились в зависимости от занимаемых руководящих должностей и исполнения по воле князя различных властных функций. Безопасность страны обеспечивала сеть укрепленных поселений («градов») с жилыми и оборонительными функциями, обнесенных древоземляными валами и глубокими рвами, за которыми находился военный гарнизон.⁶ Поэтому почти невозможно говорить о частных городах и замках вельмож в X–XIII вв. на территории Восточной Европы. И только в XIV в. возводятся первые великокняжеские (государственные) замки на территории Великого Княжества Литовского. Их руины сохранились в Вильнюсе, Новогрудке, Троках, Медниках, Лиде, Крево. Последние исследования проблем генезиса феодализма в ВКЛ также убедительно свидетельствуют о начале данного процесса не ранее последней четверти XIV в.⁷ Именно данный век является начальной точкой отсчета «кастелизации» современной территории Беларуси.

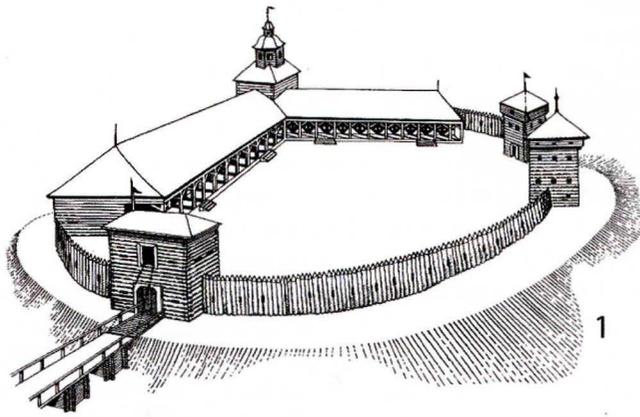
В белорусской исторической и археологической науке не разработана на необходимом уровне типология замков XIV–XVIII вв. Существует несколько предварительных предложений. Самое раннее и наиболее распространённое разделение замков по строительному материалу – деревянные и каменные.⁸ На деревянные, каменные и бастионные делит замки Юрий Бохан.⁹

Наиболее обстоятельную и комплексную типологию предложил проф. Михаил Ткачев, который по праву считается основоположником историко-археологического изучения оборонительных комплексов и сооружений на территории Беларуси средневекового периода.¹⁰ В основу своей типологии он положил, с одной стороны, социально-исторические факторы, выделяя: 1) готические каменные башни-донжоны (Камень, Гродно, Брест, Новогрудок, Туров); 2) общегосударственные каменные замки-кастэли (Лида, Крево, Медники) и многобашенные замки (Гродно, Новогрудок, Орша); 3) частновладельческие замки, как каменные (Мир, Геранёны, Иказнь, Мядель, Любча и др.), так и деревянные (Радошковичи, Лысково, Городок, Семков Городок, Мышь и др.); 4) фортификации городов, в которых с XVI в. создаются несколько линий обороны, которые охватывали центр города и сопредельные посады (Полоцк, Витебск, Слуцк, Могилёв, Брест, Речица); 5) своеобразные замки – инканстелированные культовые сооружения (церкви в Сынковичах, Мурованке, Супрасле, полоцкий Софийский собор; костел в Камаях; протестантские сборы в Койданове, Асташине, Заславле; синагога в Быхаве) и жилые дома (дом-

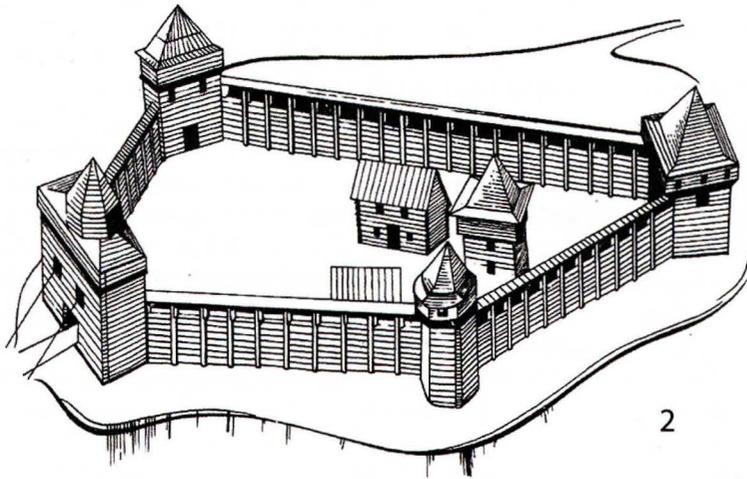
крепость в Гайцюнишках); 6) частновладельческие замки европейского типа с бастионной системой (Несвиж, Заславль, Быхов, Глуск, Каролин под Пинском и др.). С другой стороны, используя топографические характеристики, М. Ткачев называет три типа: 1) замки различных форм на возвышенностях, план которых повторяет конфигурацию рельефа; 2) расположенные в низинах, обычно с регулярной планировкой и широким использованием рвов с водой; 3) расположенные в низинах с бастионной оборонительной системой.¹¹

Социально-историческую основу типологии, предложенную М. Ткачевым, применил для деревянных замков Беларуси XVI–XVIII вв. историк архитектуры Юрий Якимович. Только из государственных он отдельно выделяет «старостинские замки» (Кобрин, Бобруйск, Кричев, Рогачев).¹² А топографическую основу типологии М. Ткачева развивает Юрий Заяц. В предложенной им типологической характеристике белорусских замков используются размещение, фортификационные системы и планировка замков.¹³ На основании очень общего и описательного по содержанию текста Ю. Заяца, можно выделить следующие типы: а) низинные замки-кастэли на небольших возвышенностях с каменными стенами и башнями и деревянными строениями (Лида, Крево, Медники); б) замки на возвышенностях, оборонительные конструкции которых повторяют конфигурацию площадки возвышенности (Гродно, Новогрудок); в) замки на труднодоступных территориях – островах и полуостровах, прибрежных мысах (Мядзель, Иказнь); г) замки бастионные частновладельческие (Несвиж, Каролин, Жабер, Ляховичи, перестроенные в Мире и Высоком).

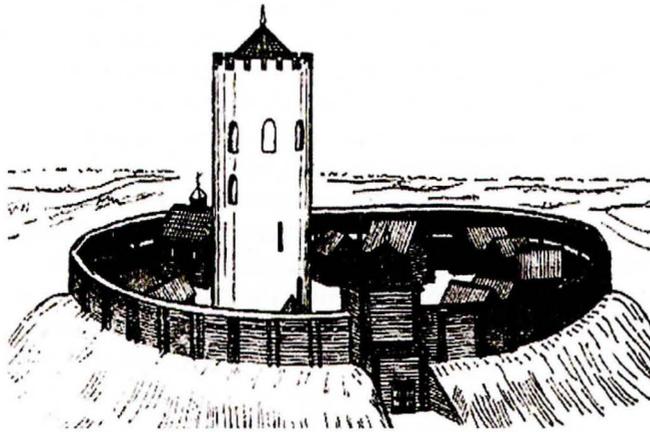
Свою типологию каменных замков XIV–XVIII вв. Ю. Заяц переносит и на существовавшие одновременно деревянные.¹⁴ Он отмечает, что принципы размещения деревянных замков и их фортификация практически не отличались от тех, которые были характерны каменным. Белорусским исследователем выделяются следующие типы деревянных замков: 1) замки, построенные на высоких возвышенностях, у которых конфигурация укреплений либо подчинялась контурам площадки, либо последней искусственно придавалась правильная геометрическая форма (Острошицкий Городок, Лоск, Радошковичи, Раков, Старый замок в Гольшанах); 2) замки, расположенные в труднодоступных местах, таких как остров, полуостров, возвышенности среди болот, поймы рек (Дрисвяты, Езерище, Лысково, Молодечно, Соломеречье); 3) замки, построенные на береговых мысах (Стрешин, Тетерин) или на высоких обрывистых берегах рек, отделяясь от прилегающей территории валом и рвом, преиму-

1

2

3

1 pav. *Medinių pilių rekonstrukcijos*. 1. Svisločė (Osipovičių rajonas). Autorius S. Sergačiovas (pagal С. А. Сергачев, „Деревянный замок середины XVII в. в Свислочи“, Архитектурное наследство, Минск, 1982, № 30, p. 32–36). 2. Radoškovičiai (Molodečno rajonas). Autorius A. Mitianinas (pagal А. Я. Митянин, Н. Н. Вараксин, „К вопросу о деревянном замковом строительстве в Белоруссии (XVI–XVIII вв.)“, Сборник научных работ Института строительства и архитектуры АН БССР, Минск, 1960, leid. 3, p. 200–209). 3. Kamianecas (rajono centras). Autoriai M. Tkačiovas, J. Kulikas (pagal М. А. Ткачоў, Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст., Минск, 1978, p. 23). **Wooden castle reconstructions**. 1. Svislach (Osipovichy District). Author S. Sergachev (from С. А. Сергачев, ‘Деревянный замок середины XVII в. в Свислочи’, Архитектурное наследство, Минск, 1982, no. 30, pp. 32–36). 2. Radashkovichy (Maladzyechna District). Author A. Mityanin (from А. Я. Митянин, Н. Н. Вараксин, ‘К вопросу о деревянном замковом строительстве в Белоруссии (XVI–XVIII вв.)’, Сборник научных работ Института строительства и архитектуры АН БССР, Минск, 1960, Vol. 3, pp. 200–209). 3. Kamianets (district centre). Author M. Tkachou, Y. Kulik (from М. А. Ткачоў, Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст., Минск, 1978, p. 23).

щественно П-подобной формы (Логойск, Мышь); 4) замки, которые состояли из двух частей – собственно замка и подзамчища (Дубровно, Жлобин, Лысково); 5) замки частновладельческих городов, сохранившие конфигурацию бывших детинцев XI–XIII вв. и увеличившие фортификационные укрепления в высоту и ширину (Заславль, Клецк, Логойск, Друцк, Брагин, Давыд-Городок, Туров, Браслав).

Изучение деревянных замков на территории Беларуси ведется в двух направлениях: архитектурно-историческом и археологическом. В

первом случае историки и историки архитектуры на основании изучения инвентарей, нарративных источников, планов, графических изображений и архитектурных обмеров существующих замков или их руин делают попытки описать внешний вид, внутреннюю структуру, характеризуют перестройки и уничтожения, определяют владельцев. Еще в начале XX в. витебский историк и краевед, член Императорского археологического общества А. Сапунов ввёл в научный оборот рисунки деревянных крепостей (Козьяны, Красное, Ситно, Суша, Сокол, Туровля),

построенных по велению Ивана Грозного в окрестностях Полоцка во время Инфлянтской войны 1558–1570 гг.¹⁵, а также план («чертёж») Витебска 1664 г.¹⁶ Одним из первых к данной проблематике обратился в 20–30-х г. XX в. белорусский историк Дмитрий Довгялло, описавший на основании инвентарей XVI–XVII вв. Свислочский, Полоцкий и Борисовский замки.¹⁷ Деревянными замкам Витебщины в XVI в., и в первую очередь построенным московским царём Иваном Грозным – Сокол, Красный, Ула, Туровля – посвятил свою работу Б.Брзжга.¹⁸ С конца 50-х г. XX в. памятники военного оборонительного искусства Беларуси средневекового периода и нового времени, в том числе и деревянные замки, были объектами исследований историков архитектуры А. Я. Митянина и Н. Н. Вараксина.¹⁹ Первый из них, опираясь на информацию инвентаря 1549 г., предложил авторскую реконструкцию Радошковичского замка, которая используется до сегодняшнего дня (рис. 1:2).

Позже, в начале 80-х годов XX в., историком архитектуры С. А. Сергачевым на основании сохранившихся в фондах Национального исторического архива Беларуси в Минске планов середины XVII в. была сделана реконструкция замка в Свислочи (Осиповичского района) (рис. 1:1).²⁰ Топография, планировка и фортификация данного замка в XII–XVII вв. были предметом отдельного исследования Вадима Кошмана.²¹

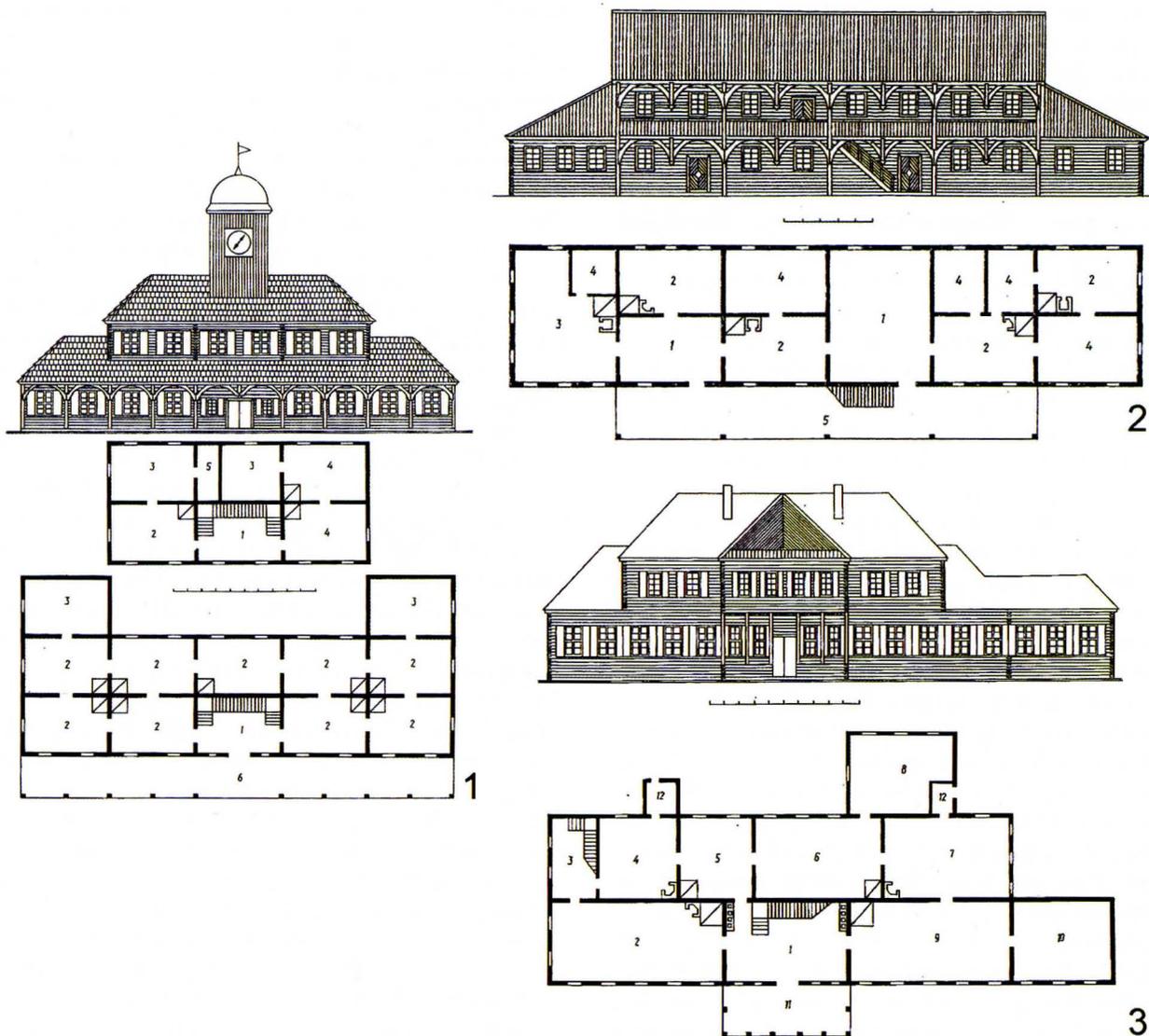
К интересующей нас тематике обращался Юрий Якимович в своей статье «Драўляныя замкі Беларусі XVI–XVIII стст.».²² Как отмечалось выше автор выделяет три группы замков – государственные, старостинские и частновладельческие. К первой группе он относит мощные замки в городах Полоцк, Витебск, которые имели двух- и трехчастную структуру, а также Брест, Могилёв, Орша, Мозырь, Минск, меньшие по размерам с более простой одночастной структурой. Ко второй группе Ю. Якимович относит двухчастные замки в Кобрине, Дубровне, и одночастные в Радошковичах, Бобруйске, Кричеве, Рогачеве, а к третьей – Глуск, Каменец, Лахва (Луненецкий р-н), Чернавчицы (Брестский р-н), Петриков. По мнению Ю. Якимовича, наиболее активно деревянное замковое строительство на белцрусских землях велось в XVI в., когда более примитивные архитектурные конструкции (типа «острог») заменяются «городнями», «террасами» и «вежами». В больших городах замки создавали единую оборонительную систему, в некоторых старостинских центрах часто замок и двор не объединялись в один комплекс. Если в XVIII в. в восточных воеводствах и поветах ВКЛ старостинские центры и частные резиденции еще сохраняли мощные оборонительные

(фортификационные) сооружения, то на западе Беларуси со второй половины XVII в. они начинают развиваться как дворцово-парковые комплексы. Главными причинами упадка деревянных замков Ю. Якимович считает прогресс в военном деле (в первую очередь, развитие артиллерии) и появление новых принципов городского строительства.

Подробное описание деревянных замковых сооружений на территории Беларуси в XVI – середине XVII в. Ю. Якимович продолжил в специальном справочном пособии.²³ В нём на основании инвентарей описаны размещение, оборонительная система, внутренняя структура замков и отдельных замковых сооружений в 29 пунктах: Бобруйск (инвентарь 1638 г.), Борисов (1658, 1659, 1661 г.), Брест (1556 г.), Витебск (1618, 1641 г.), Гродно (1560–1561, 1653 г.), Давид-Городок (1631, 1653, 1675 г.), Дубровно (1645 г.), Каменец (1635 г.), Клецк (1626, 1653 г.), Кобрин (1597 г.), Копысь (1651 г.), Кричев (1673 г.), Лоск (1620 г.), Любча (1581–? г.), Могильно (1536, 1592, 1663 г.), Мозырь (1552, 1576 г.), Молодечно (1623, 1651 г.), Мстиславль, Орша (1560 г.), Острошицкий Городок (1650 г.), Пинск (50–60-е гг. XVI в.), Полоцк (1552, 1618, 1654, 1655 г.), Радошковичи (1549 г.), Речица (1650 г.), Свислочь (1560 г.), Сёмков Городок (1583 г.), Слуцк (1687 г.), Стрешин (1608, 1628 г.), Чашники (1629, 1633 г.). А так же 6 замков, построенных по инициативе Ивана Грозного: Козьяны (1563 г.), Краснополье/Сокол (1567 г.), Красный Замок (1564 г.), Ситно (1563 г.), Суша (1566 г.), Туровля (1563 г.). Заслуживает внимание попытки Ю. Якимовича реконструировать некоторые из них (или только части: жилые помещения – «дворцы», въездные бранды): Лоск (рис. 2:1), Каменец (рис. 2:2), Дубровно (рис. 2:3), Острошицкий городок.

С позиций истории архитектуры написаны также синтетические тексты Анатолия Кулагина для многотомного обобщающего труда *Архитектура Беларуси*, в которых рассматривается деревянное замковое строительство.²⁴ Новым в названных текстах является желание автора рассмотреть архитектуру *militaris* Беларуси в контексте славянской и общеевропейской строительной культуры от X до XVIII вв. Последним, кто обратился к деревянной замковой архитектуре ВКЛ XIV–XVI вв. в белорусской историографии, является Юрий Бохан.²⁵ Автор на основании опять же инвентарей очень подробно описал элементы оборонительных систем – валы, рвы, деревянные стены – «острог» (частоколы) и «городни», башни и укрепленные дома.

Письменные и иконографические источники известны не по всем замкам и относятся преимущественно к XVI в. и даже XVII–XVIII вв., поэтому многочисленные проблемы (время

2 pav. Medinių rūmų rekonstrukcijos. Autorius J. Jakimavičius. 1. Loskas, 1620 (Voločino rajonas). 2. Dubrovno, 1645 (rajono centras). 3 Kamianecas, 1635 (rajono centras). Pagal Ю. А. Якимович, Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII вв.: Справочное пособие, Минск, 1991, p. 131 (Dubrovno), p. 152 (Kamenecas), p. 194 (Loskas).

Wooden palace reconstructions. Author Y. Yakimovich. 1. Losk, 1620 (Volozhin District). 2. Dubrovna, 1645 (district centre). 3 Kamianets, 1635 (district centre). From Ю. А. Якимович, Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII вв. Справочное пособие, Минск, 1991, p. 131 (Dubrovna), p. 152 (Kamianets), p. 194 (Losk).

основания замка, строительная история, особенности фортификационных сооружений, черты материальной культуры) невозможно решить без археологических исследований. В белорусской археологии было уделено значительное внимание исследованиям археологических памятников, которые являлись населёнными пунктами, известными по летописям XII–XIV вв., а также городищам с раннесредневековой хронологией.²⁶ Полученные итоговые результаты позволили реконструировать оборонительные сооружения укреплённых поселений названного периода. Это преимущественно были валы, рвы, деревянные стены и башни. С начала XX в. внимание исследователей и реставраторов также привлекали

каменные руины белорусских замков (Каменецкая вежа (рис. 1:3), Лида, Крево, Новогрудок, Гродно, Мир, Мядзель, Заславль).²⁷

Археологическое изучение непосредственно деревянных замков периода ВКЛ (как укреплённых центров городов, так и шляхетских резиденций) началось достаточно поздно и до сегодняшнего дня очень фрагментарно. В известной белорусской энциклопедии *Археологія і нумізматыка Беларусі*, изданной в 1993 г., встречаем информацию о 53 деревянных замках: Берестье, Бобруйск, Борисов, Брагин, Браслав, Быхов, Витебский Верхний, Витебский Нижний, Витебский Узгорский, Городок (Молодеченский район), Городок (центр района), Глуск, Глубокое, Гомель, Горваль (Речицкий район), Горы

(Горечский район), Давид-Городок, Дисна, Друя, Друцк (Толочинский район), Дрисвяты (Браславский район), Дубровно, Езерище (Городокский район), Жлобин, Заславль, Каролин (часть Пинска), Клецк, Кобрин, Копысь, Кричев, Лепель, Лоев, Ляховичи, Могилёв, Могильно (Узденский район), Мозырь, Малое Ситно (Полоцкий район), Молодечно, Мстиславль, Пинск, Полоцкий Верхний, Полоцкий Нижний, Прудники-Вята (Миорский район), Радомль (Чаусский район), Радосковичи (Молодечинский район), Речица, Свислочь (Осиповицкий район), Слоним, Слуцк, Шклов, Столин, Стрешин (Жлобинский район), Сураж (Витебский район), Хойники, Чечерск. В текстах, преимущественно написанных Михаилом Ткачевым, представлено топографическое описание городищ, которые в XV–XVIII вв. выполняли функции деревянных замков, их расположение на местности, внешний вид, размеры, и остатки оборонительных систем. На основании сохранившихся инвентарей в энциклопедических статьях очень подробно описаны внутренняя структура замков и их фортификационные системы, не редко содержимое арсеналов.

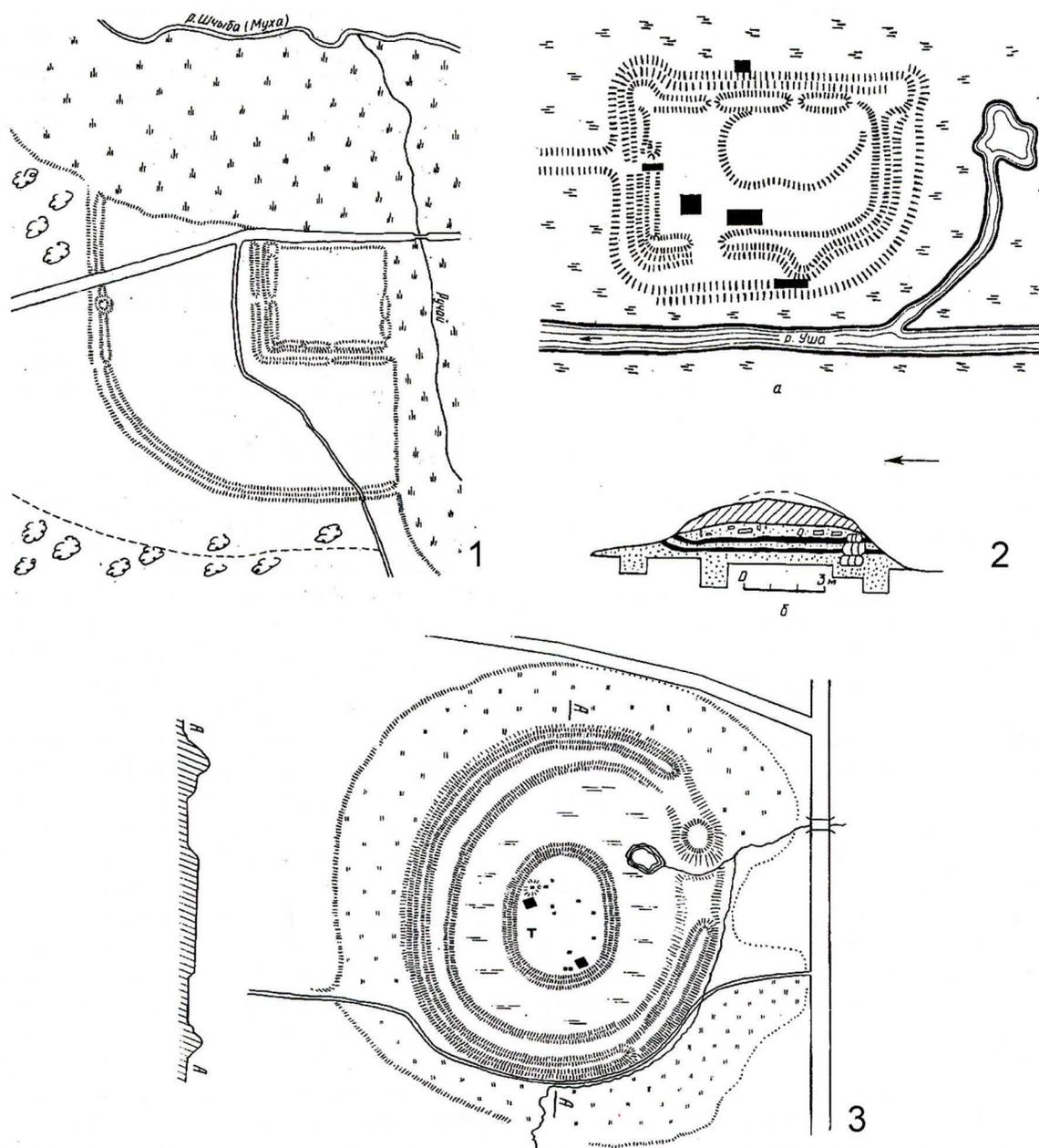
Дополняет список деревянных замков с территории Беларуси информация из книг М. Ткачёва *Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст.* (Мінск, 1978) и *Замкі і людзі* (Мінск, 1991). Это городища Лысково (Пружанский район) (рис. 3:1), Запруды (Кобринский район), Мышь (Брановичский район), Радунь-Городище (Вороновский район), Жабер (Дрогичинский район), Налезники-Кривляны (Жабинковский район), Высокое (Каменецкий район), Гольшаны (Ошмянский район), Койданово (современный Дзержинск), Старый Свержень (Столбцовский район), Петриков, Острошицкий Городок (Минский район), Раков (Воложинский район), Сёмков Городок-Соломеречье (Минский район), Лоск (Воложинский район), Тетерин (Круглянский район), Баркулабово (Быховский район), Глубокое, Мстибово (Волковыский район). Таким образом, исследователями выявлены 72 археологических памятника в виде городищ/замчищ (разной степени сохранности), которые можно идентифицировать с деревянными замками, известными по письменным источникам.

К сожалению, археологические исследования на названных памятниках в большинстве своем ограничились топографическим описанием и небольшими раскопками с целью определения мощности, стратиграфии и первоначальной хронологии культурных слоев. Например, раскопки Ольги Левко в Шклове²⁸, Копыси²⁹, Городку³⁰ и Сураже³¹, Шамиля Бектинеева в Горах (Горечского района)³², Алега Трусова в Мозыре³³, Валерия Шаблюка в Свержани³⁴, Михаила Ткачева³⁵ в Брагине, Горвале, Дрисвятах, Лоеве.

Немного больше информации имеется о структуре и хронологии дерево-земляных оборонительных сооружений деревянных замков. С одной стороны, это результаты прорезок валов с целью исследовать фортификации укрепленных поселений XI–XIII вв., а с другой – немногочисленные целенаправленные раскопки оборонительных сооружений замков XV–XVIII вв. Прорезка валов была сделана Юрием Заяцем в Заславле³⁶, Эдуардом Загорульским на городищах Копыси³⁷ и Свислочи³⁸. Аналогичная исследовательская процедура проведена Михаилом Ткачевым на Дрисвятском³⁹, Дисненским⁴⁰ и Суражском⁴¹ замчищах, Михаилом Ткачевым и Валерием Поздняковым в Клецке⁴², Ольгой Левко в Орше⁴³ и Городке⁴⁴.

Только в единичных случаях объем и результаты археологических раскопок позволяют дополнить информацию найденных инвентарей, проследить оборонительные системы, выявить и локализовать структурные части деревянных замков, а в некоторых случаях открыть уникальные сооружения. Ниже представляем в синтетической форме наиболее значительные и интересные результаты археологических исследований деревянных замков на территории Беларуси. Нами сознательно исключены деревянные фортификационные замковые сооружения, слабо исследованные в воеводских и поветовых центрах – Витебске, Полоцке, Берестье, Мстиславле, Слуцке, Орше и других, так как они претендуют на отдельную статью. По той же причине мы оставили без внимания бастионные замки в Заславле, Ляховичах, Новом Быхове, Несвиже, Геранёнах и некоторые другие.

Одним из первых был исследован Михаилом Ткачевым в 1976 и 1980 гг. **замок в Молодечно**.⁴⁵ Строители замка использовали низкий болотистый рельеф и натуральные препятствия на правом берегу реки Уша. Первоначально был сооружен постамент из брёвен размером 120x80 м, на нем сверху из песка и гравия был насыпан искусственный холм высотой 4 м. В результате получилась прямоугольная площадка, со скругленным юго-восточным углом, укрепленная песчанно-глиняным валом высотой 3,5 м и шириной в основании 11 м (рис. 3:2). По верху валов находились деревянные стены-городни и башни с деревянными въездными воротами в восточной куртине. Из камней и кирпича были сделаны подпорные стенки, которые защищали проезд от осыпания вала. По углам площадки прослеживаются выступы. М. Ткачев видел в них остатки бастионов голландского типа, построенных в XVII в., однако другой белорусский исследователь Ю. Заяц считает их площадками для башен, которые значительно выступают за линию замковых стен.⁴⁶ Обнаруженные остатки столбовой конструкции около подножья

3 pav. Medinių pilių planai. 1. Lyskovo (Pružonių rajonas). 2. Molodečnas (rajono centras): a) pilies planas; b) pylimo pjūvio profilis. 3. Gorodokas (Molodečno rajonas). Pagal M. A. Ткачоў, Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст., Мінск, 1978, p. 58 (Lyskovo); p. 59 (Gorodokas); p. 93 (Molodečnas).

Wooden castle plans. 1. Lyskovo (Pruzhany District). 2. Maladzyechna (district centre): a) castle plan; b) section profile of the earthworks. 3. Haradok (Maladzyechna District). From M. A. Ткачоў, Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст., Мінск, 1978, p. 58 (Lyskovo); p. 59 (Haradok); p. 93 (Maladzyechna).

«бастионов» интерпретируются как укрепления против оползания земли или возможно являются полисадами. Возле южного вала М. Ткачевым были раскопаны остатки каменной постройки размерами 11x24 м, сохранившиеся на высоту 1,14 м и шириной 0,65 м, позже расширенные до 1 м. На стенах выявлены следы фресковой росписи, это позволило автору раскопок интерпретировать руины как замковый храм, использовавшийся в XVI–XVIII вв. Правда, в сохранившихся инвентарях местечка и замка Молодечно 1623 и 1651 гг. нет никакой информации о каменном

здании на территории последнего.⁴⁷ Согласно первому инвентарю 1623 г., замок больше представлял собой усадьбу, которая состояла из двора и гумнища. Через неполные 30 лет в Молодечно на реке Уше вновь отстраивается деревянный замок. Эти перемены зафиксировал второй инвентарь 1651 г. Замок представлял собой четырехугольное укрепление островного типа со стенами типа «острог», 4 боковыми башнями и въездной брамой, к которой через ров был проложен мост. В археологических публикациях, к сожалению, не дается время постройки

Молодеченского замка, а историки называют расплывчатую дату – конец XIV – начало XV вв.⁴⁸

М. Ткачев начинал археологическое изучение замка в Кричеве. В 1973–1976 гг. им раскопано 360 кв. м на «Замковой горе», в 1987–1988, 1995–2000 г. работу продолжил его ученик Андрей Метельский, раскопавший 284 кв. м.⁴⁹ Городище «Замковая гора» расположено в центре города на правом берегу реки Сож. Оно занимает овальный холм размерами 100x60 м, который возвышается на 10–15 м над речной поверхностью. Культурные слои хорошей сохранности мощностью от 1,2 м в центре до 2,8 м в северо-западной части замчища. Оборонительные сооружения в виде земляных валов сохранились с северной, западной и южной сторон (от 1 м на юге до 7 м на западе с максимальной шириной основания до 15 м). Дополнительно с западной и северо-западной сторон Замок отделен от берегового плато рвом шириной до 70 м. Как показали археологические исследования М. Ткачева и А. Метельского, первоначальные оборонительные сооружения Кричевского замка были возведены в конце XII – начале XIII вв., которые погибли в огне. Подобная участь ожидала восстановленный вал XIII в. В следующем столетии вал был подсыпан песком и увеличен до 4,3 м. В XV–XVI вв. вал Кричевского замка дважды реконструировался – с помощью глины и песка он был увеличен до 6 м, а с внешней стороны укреплялся дерном. Окончательный вид оборонительные сооружения приобрели в XVII–XVIII вв., когда после трёх подсыпок высота достигла 7 м, а ширина у основания 15 м. Сохранившиеся инвентари Кричевского замка за 1673, 1679 и 1682 г. свидетельствуют, что по верху вала находился «паркан» (горизонтальные бревна, закрепленные в вертикальные стояки) с прорезанными окнами-бойницами и покрытый «драницами». С города в замок попадали через въездную двухэтажную башню – «браму», перед которой располагался высокий мост с одним подъёмным звеном. Кроме этой башни, инвентарь 1694 г. упоминает еще 4 башни, расположенные по периметру Замковой горы. Проведенные археологические исследования на территории Кричевского замка не зафиксировали остатков жилых и хозяйственных строений XV–XVIII вв. Обнаруженные 6 построек срубной конструкции датируются XII–XIII вв. Представление о застройке замка дают нам названные инвентари.⁵⁰

Замок Городок (Молодеченский район) расположен на западной окраине одноименной деревни, местное название «Замок». Представляет собой площадку овальной формы размерами 72x44 м, вытянутую по линии север-юг, возвышающуюся на 5 м над уровнем воды, окруженную рвом шириной 25–30 м и высокими до 10 м валами. Индивидуальной особенностью

данного археологического памятника является наличие террасы шириной 7–10 м между рвом и валом (рис. 3:3). Памятник неоднократно исследовался: в 1966 г. 66 кв. м раскопал Я. Зверуго, в 1973 г. – М. Ткачев, в 1989 г. 372 кв. м – Г. Саганович и в 1998 г. 75 кв. м. – И. Ганецкая.⁵¹ Данный замок был построен приблизительно в начале XVI в., на городище среднего этапа культуры штрихованной керамики. Первоначально строителями с внутренней стороны вдоль вала был выкопан ров. Материковый грунт, полученный при копании рва, рассыпали на площадку. В результате, она приобрела овальную форму, а её уровень поднялся на 1–1,5 м. Был так же подсыпан вал. Именно в процессе данной строительной операции с внутренней стороны вала образовалась терраса. С востока, от стороны местечка, через вал был прокопан главный въезд. Часть грунта была использована на строительство круглой площадки диаметром 7 м, на которой, по мнению М. Ткачева, располагалась башня, охранявшая вход на территорию замчища. Для того чтобы попасть непосредственно в замок, необходимо было проехать по специальной террасе, примыкающей к внутренней стороне вала. На дворе замка во время раскопок Г. Сагановича были обнаружены остатки нескольких кирпичных зданий, сложенных кладкой в готическом стиле, с печными развалами. Среди археологического материала выделяется уникальная коллекция ренессансного кафеля.⁵² Замок в Городке был частновладельческим и завершил своё существование в середине XVII в.

Интересные и важные материалы получила Ольга Левко, исследуя замки в Езерище и Дубровно. **Замок Езерище** (Городокский р-н) расположен в юго-западной части полуострова озера Езерище на возвышенности с эскарпированными склонами, которая приобрела форму прямоугольника, вытянутого с севера на юг, размерами 120x100 м. С восточной и северной стороны сохранились валы на высоту от 2 до 4 м и выразительно обозначенные на местности места расположения трех башен диаметром до 15 м и высотой до 7 м. С северной стороны замок дополнительно был укреплен рвом, наполненным водой. Проезд в замок располагался с востока, со стороны узкого перешейка, который соединял полуостров с ближайшим населённым пунктом. Не исключено, что замок имел связь с ближайшим берегом посредством деревянного настила на сваях, который начинался в юго-западном углу замка. В 1979 г. О. Левко раскопала 100 кв. м на замковой площадке, произвела прорезку вала и основания юго-восточной башни.⁵³ Археологические исследования показали, что первоначальные замковые фортификации возводились уже в XIV в. Исследовательнице лучше всего удалось проследить стратиграфию

оборонительной башни. Последняя имела основание диаметром 12 м и располагалась на своеобразной подушке мощностью до 1 м, сделанной из смеси глины, песка, гравия и мелких камней. Выше прослеживается прослойка темной окраски с большим количеством углей и золы, на которой зафиксированы остатки деревянных конструкций плохой сохранности. Первоначальная башня погибла в огне, её остатки были нивелированы и засыпаны культурным слоем темной окраски мощностью до 1 м, поверху которого в XV в. строится другая. Нововозведенная башня имела каменный фундамент, сложенный из двух рядов больших валунов. Последующие переделки и обновления деревянных оборонительных укреплений замка XVI–XVII вв. производились на уже имеющейся основе, потому что в этой части замка подсыпок вала или укреплений фундамента археологически не зафиксировано. Полученные в результате раскопок археологические материалы позволяют судить, что замок в Езерище функционировал и в XVII в.

Замок Дубровно (центр одноимённого р-на) построен на высоком левом берегу Днепра при впадении в него реки Дубровенки. Остатки его представляют собой близкую по форме к прямоугольнику возвышенность, которая состоит из двух площадок с перепадом уровней поверхности до 1 м. Более высокая, западная, имела размеры 90x45 м, нижняя (форбург) – 35x45 м. На обеих площадках сегодня не прослеживаются следы оборонительных сооружений. Только с восточной стороны глубокий ров, прокопанный между рекой Дубровенкой и Днепром, отделял замок от левобережной части города и придавал замку вид островной крепости. Дорога в замок проходила по узкой земляной насыпи. Впервые исследования на территории Дубровенского замка проводились в 1996–1997 гг. Ольгой Левко, раскопавшей 400 кв. м и сделавшей прорезку склона замчища с северной стороны площадки.⁵⁴ В результате удалось установить, что первоначальные замковые деревянные укрепления (датируемые концом XV – началом XVI вв.) представляли собой изгородь столбовой конструкции, опорные столбы которой диаметром 0,2–0,25 м располагались на расстоянии 0,4–0,5 м друг от друга. Это оборонительное сооружение было возведено до момента насыпания земляного вала и погибло в огне. На площадке замка в отдалении от внешних укреплений был открыт фундамент от квадратной постройки, сохранившийся на высоту 0,8 м, полностью заглубленный в материк. Размеры постройки по внешнему краю – 5,4x5,4 м, а внутреннему краю – 4x4 м. Каркас данной постройки выполнен из бревен диаметром до 0,15 м, положенных решеткой в четыре яруса на площадку из красной обожженной глины. Глина

использовалась также с внешней стороны каркаса на ширину 0,7 м. В отдельных местах под нижний ярус бревен положены большие камни, а для укрепления углов каркаса использовались четырёхугольные столбы диаметром до 0,2–0,25 м и камни. В северо-восточном углу раскопанной постройки имелась печь из горшковой кафли с квадрифольным и круглым устьем рубежа XV–XVI вв. и полихромной рельефной пластинчатой кафли XVI в. с геральдическим орнаментом. Обнаруженный археологический материал (кафля, кирпич, фрагмент ножен, наконечник стрелы, бритва, керамическая посуда) позволил О. Левко датировать выявленный объект Дубровенского замка на XVI в. и соотнести его с башней, нарисованной на карте Сигизмунда Герберштейна.⁵⁵ Ю. Бохан предположил, что эта башня выполняла функции своеобразного деревянного «донжона».⁵⁶

В северной и центральной частях Дубровенского замчища выявлены остатки других построек разных хронологических периодов. Самые ранние из них представлены заглубленными в землю жилищами и датируются на основании горшковой кафли с квадратными и круглыми устьями на XV – началом XVI вв. Более интересной оказалась большая постройка с подвалом и остатками печи, выявленная в строительном горизонте рубежа XVI–XVII вв. – второй половины XVII вв.⁵⁷ Эта постройка имела прямоугольную форму размерами 6,2x6,4 м по внешнему краю и 5,4x5,4 м по внутреннему, располагалась на фундаменте из красной глины высотой 0,8 м и шириной 0,7 м, вкопанном в материковый слой и подкрепленном камнями. Камни встречаются и внутри сооружения, некоторые из них отмечают уровень нахождения пола (как вымостка из мелких камней в западном углу). Подвальное помещение было углублено на 1–1,2 м ниже уровня залегания фундаментов постройки. Внутри он был обшит досками, а по центру на равном расстоянии располагались столбы-опоры диаметром до 30 см и вкопанные в материк на 20 см. В данном объекте выявили большое количество фрагментов стеклянных бутылей с днищами 25–30 см в диаметре, фрагментов штофов, бутылок, стопок и стаканов импортного производства. Тут же были найдены фрагменты крупных глиняных сосудов. У юго-восточного края данной постройки на уровне залегания фундамента был раскопан развал кафельной печи.

Представление о внешнем виде и внутренней структуре замка в Дубровне даёт единственный известный инвентарь, составленный ревизорами Андрияном Паренбаком и Якубом Гаецким 28 мая 1645 г.⁵⁸ Замок был деревянный, состоял из двух частей – Верхнего и Нижнего (подзамок). Первый из них во время составления инвентаря

пришел в упадок. Укреплен был стенами простой конструкции типа «острог», 2 башнями – угловой и въездной, а также шестью «городнями» со стороны Днепра, остатки предыдущей оборонительной системы. В центре детинца располагался жилой дом, состоявший из сеней, избы и коморы. Вокруг него стояли бровар, квасная изба, пивница (погреб, вероятно, остатки его были обнаружены О. Левко во время раскопок), клеть. Согласно инвентарю 1645 г., оборонительные сооружения и другие здания Нижнего замка значительно отличались от Верхнего. Он был окружен «острогом», укреплен тремя новопостроенными двухъярусными башнями и четвертой башней-воротами. Центр детинца занимал деревянный двухэтажный дворец. Кроме него на территории Нижнего замка встречаем еще один жилой одноэтажный дом, 2 кухни, 3 конюшни, подвал, арсенал, скарбницу и спихлер.

Многолетним археологическим исследованиям подвергается **Замок Глуск** (центр одноименного района). Первые 12 кв. м раскопал в 1988 г. Генадзь Саганович, а с 1996 г. более 10 лет подряд его исследует Ирина Ганецкая.⁵⁹ Общая площадь исследованной территории на сегодняшний день составляет около 500 кв. м, это примерно 1% от всей площади (45 000 кв. м). Глусский замок расположен на высоком правом берегу р. Птичь, в восточной части одноименного населенного пункта, на своеобразном острове, который появился в силу натуральных изменений русла реки. Мощность культурных слоев на замчище колеблется от 1,8 до 2,9 м. Многолетние и целенаправленные археологические раскопки на территории Глусского замка позволили И. Ганецкой выделить в стратиграфии культурных слоев три хронологических горизонта, которые соответствуют трём фазам в истории строительства замка, зафиксированных в письменных источниках. Первоначальный – от времени основания замка около 1522 г. до пожара 1655 г.; второй – от 1655 г. до возведения оборонительного вала и бастионов в 1675–1680 гг.; третий – от 1680 г. до полного упадка замка примерно на границе XVIII–XIX вв.⁶⁰

На первой фазе существования (1522–1655 гг.) замок в Глуске был деревянно-земляным. Согласно инвентарю 1571 г., он имел земляной вал, поверху которого располагались 34 городни и 3 башни: одна глухая, вторая с брамой и третья с форткой, выводящей к реке Птичь. На замковом детинце находились три жилых помещения и 4 хозяйственных («свирина»)⁶¹ Со вторым стратиграфическим горизонтом, датируемым 1655–1675/80 гг., связана радикальная перестройка Глусского замка, предпринятая Александром Полубинским после окончания войны с Московским царством в 1666 г. Он

расширил площадку и полностью изменил систему оборонительных сооружений: насыпал вал, увеличил водяной ров, возвёл пять бастионов и построил каменную въездную башню. Таким образом, замок приобрел форму регулярного пятиугольника с бастионами по углам (высота куртин достигала 7 м) и двумя башнями (трехъярусная со стороны местечка и двухъярусная на куртине со стороны реки). Внутри расположились бернардинский монастырь с большим барочным костелом (построенный в 1667 г.), дворец, жилые и хозяйственные постройки, которые не сохранились до наших дней.

Уникальным деревянным оборонительным сооружением, выявленным археологами на территории Беларуси, является **церковь-донжон на детинце древнего Мстислава**, раскопанная Леонидом Васильевичем Алексеевым.⁶² В северной части городища на одном и том же месте в небольшом удалении от вала на протяжении долгого существования замка (середина XII – середина XVII вв.) последовательно строились пять деревянных строений, названных автором раскопок «сооружениями». *Сооружение № 1* было срублено немного выше материка, возможно, на специальной материковой подсыпке. Простояло оно недолго, сгорело, оставив исследователю лишь следы отдельных обугленных частей в юго-восточной части северных раскопок.

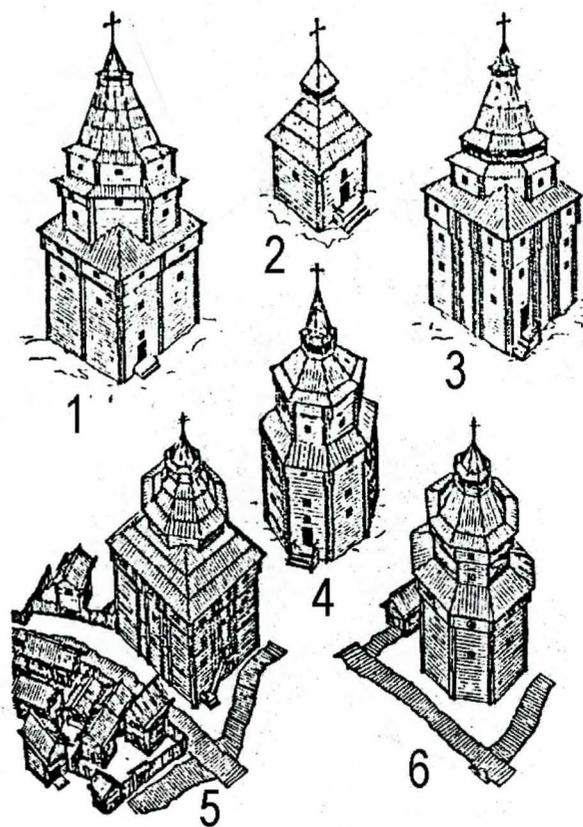
Сооружение № 2 было выстроено, по мнению Л. Алексеева, сразу после гибели предыдущего на том же месте и почти на том же уровне. Оно представляло собой дубовую постройку, почти квадратной формы размерами 13x12,5 м, ориентированную близко к сторонам света, и располагалась приблизительно на 70 см выше материка и на 9–10 см выше постройки № 1 в ее южном углу. Конструкция этого сооружения своеобразна. Стена каждого из бревен венца сруба составлялась из двух бревен половинного размера, соединенных внахлест и с врубкой туда перпендикулярного метрового бревна для большей жесткости соединения. Весь уровень строения № 2 удается датировать дендрохронологически по тем постройкам, которые на этом уровне были найдены в других раскопах: 1221, 1223 и 1229 гг. Таким образом видно, что сооружение № 2 было срублено во второй четверти XIII в. (**рис. 4:1**).

Следующее *Сооружение № 3* возникло на месте двух предыдущих в середине XIII в. От него сохранилось два еловых венца нетолстых бревен (15–17 см), положенных непосредственно на землю. Эта постройка была небольшой, в виде квадрата (сторонами 6,95 м), поставленной внутри предыдущих так, что ее северо-восточная часть максимально приближалась к северо-восточной части прежних зданий, не нарушая частей последних. Углы его соединены в обло (**рис. 4:2**). Выше располагалось *Сооружение № 4*, которое

представляло большой четырехугольник, ориентированный, как и предыдущие, с северо-востока на юго-запад, и имело размеры 13,7х12 м. На этот раз это была весьма мощная конструкция, сооруженная из нескольких трехстенных срубов из дуба. До нас дошло три венца толстых (30–35 см) стен, длина которых диктовалась опять же теми прямыми дубовыми стволами, которые удалось найти и срубить. Требовались стволы более толстые, чем для сооружения № 2, достать их было еще более трудно, а потому они были и более короткими. Для длинных стен трехстенных срубов вблизи углов всего здания использовались стволы длиной 3,8 м (около полутора сажень), между этими трехстенными срубами стояли такие же срубы, но с более короткими бревнами их длинных стен. Для малых стен всех трехстенных срубов использовались такие же по диаметру бревна, но длиной не многим более метра. Для большей жесткости конструкции малые стены соседних трехстенных срубов у концов соединялись врубленными в них горизонтальными, сравнительно тонкими (5–8 см) жердями.

Сооружение № 4 было поставлено на месте всех предыдущих, но было по площади больше сооружения № 3 и, как выяснилось, располагалось немного ниже, причем западная, северная и восточная стены его были положены на остатки соответствующих стен сооружения № 2, на эти же остатки опирались и короткие стены юго-западных трехстенных срубов. Противоположные же им короткие стены прорезали северо-восточную стенку сооружения № 3 (она, следовательно, была в земле, иначе ее бы просто выбрали). Вплотную к юго-западной стене сооружения № 4 был пристроен маленький дубовый срубик, сохранившегося на 4 венца. Это были остатки небольшого крыльца, по несохранившимся ступенькам которого с запада поднимались в постройку № 4 (рис. 4:3,5). Дата постройки сооружения № 4 устанавливается дендрохронологической датой восточной улицы 3 пятого яруса – 1261 г. Значит, объект № 4 был возведен в 1260-х годах. Гибель его совпадает с большим пожаром, который можно отнести к первым годам XIV в.

Сооружение № 5 было восьмиугольной формы, сохранилось на три еловых венца, его внутренность была заполнена вместе с верхними обгорелыми остатками сооружения № 4 мощными слоями глины, поверхность которой в середине доходила почти до современной поверхности, образуя в ней род бугра. Глиняное заполнение не было однородным: у краев, возле стен, она была гораздо более плотной, твердой, без примесей и распространялась от стены внутрь на расстояние до полутора метров. Середина в образовавшемся глиняном «восьмиугольном кольце», как бы «панцире», была забита

4 pav. Mstislavas. XII–XVI a. cerkvių-donžonų rekonstrukcijos. Autoriai: L. Aleksejevas (1–4, vaizdo perspektyva), G. Borisevičius (5–6, aksonometrija). Nr. 1. Antrasis statinys – XIII a. pirmasis ketvirtis. Nr. 2. Trečiasis statinys – XIII a. vidury. Nr. 3, 5. Ketvirtasis statinys – XIII a. 7 dešimt. Nr. 4, 6. Penktasis statinys – XIV a. vidury – XVII a. vidury (pagal J. B. Алексеев, „Древний Мстиславль в свете археологии“, Гістарычна-археалагічны зборнік, Мінск, 1995, Nr. 6, p. 174).

Mstislav. Reconstructions of the 12th–16th-century Orthodox church – donjon. Authors: L. Alekseyev (1–4, image perspective), G. Borisevich (5–6, axonometry). 1. Second structure – first quarter of the 13th century. 2. Third structure – mid-13th century. 3 and 5. Fourth structure – 1260s. 4 and 6. Fifth structure – mid-14th – mid-17th century (from J. B. Алексеев, ‘Древний Мстиславль в свете археологии’, Гістарычна-археалагічны зборнік, Мінск, 1995, no. 6, p. 174).

перемешанной землей с глиной, лежащей горизонтальными слоями. Вскоре сооружение 5 сгорело, и остался глиняный бугор высотой 50–60 см, перекрытый слоем пожарища, следы которого были видны у северного основания бугра. Это был пожар 1359 г. После пожара сооружение № 5 сразу было восстановлено полностью в прежнем виде. В наружных местах у краев был досыпан «панцирь», а на сохранившиеся три нижних венца водрузили новые венцы восьмиугольника (рис. 4:4,6). Окончательно сооружение № 5 погибло во время военных действий 1654 г., при штурме Мстиславля князем А. Н. Трубецким.

Итак, в небольшом княжеском центре Мстиславле на одном и том же месте в северной

5 pav. Senovinė Brasta. XIII a. medinis miestas. Archeologinio muziejaus Brastoje fragmentas. А. Аляксеў, А. Лукашэвіч, Спадчына Беларусі. Фотаальбом, Мінск, 2004, р. 52.

Old Brest. A 13th century wooden city. A fragment of the archaeological museum in Brest. From А. Аляксеў, А. Лукашэвіч, Спадчына Беларусі. Фотаальбом, Мінск, 2004, р. 52.

части крепости, в некотором удалении от северного вала с XII по XVII в., т. е. весь период существования детинца, неизменно возводили деревянное здание не жилое и не хозяйственное, в котором, очевидно, была острая надобность. Причем два из пяти сооружений были сложены из дуба, одно из них возведено в технике строительства укреплений (трехстенные срубы). Основываясь на этом, а также на форме плана этих строений, близких к квадрату или восьмиугольнику, и на месте, где они были возведены на детинце, автор раскопок Леонид Алексеев пришел к мысли, что перед нами деревянные донжоны, являвшиеся «основным элементом обороны», рассчитанным на «круговой обстрел». Важным моментом в исследованиях деревянных сооружений оборонительного типа на Мстиславском городище, проведенных Л. В. Алексеевым, является обнаружение внутри их и по соседству погребений. Последние были произведены в деревянных гробах, по обряду трупоположения, с единичными находками погребального инвентаря. Рядом с описанными постройками найдены другие предметы культа: 6 фрагментов колоколов,

кронштейн хороса с шестигранным подсвечником для тонкой свечи, приклепанный к ажурному флажку с литыми сквозными изображениями шестикрылого Серафима в середине, с драконом с извилистым хвостом наверху и орнаментальными мотивами вокруг Серафима.⁶³ На существование церкви указывают находки бронзовой лампы, диска от бронзового подсвечника, бронзовую крышечку кадила, поливных плиток пола – две с зеленой поливой и четыре с поливой цвета бордо.

Так как замки были очень тесно связаны с развитием феодализма (средневековьем), то их упадок являлся симптомом постепенного отмирания феодального общества. Для территории ВКЛ начало социальных перемен относится ко второй половине XVI в. – времени важных экономических преобразований (волочная реформа и формирование фольварочной системы, развитие городов и местечек, заграничной торговли). Всё это нашло отображение в архитектуре частновладельческих комплексов: вместо замков строятся дворцы и дворы.⁶⁴ В силу внешнеполитических причин в западных воеводствах ВКЛ этот процесс значительно опережал аналогичный в восточных, находящихся

под постоянной угрозой агрессивного Российского государства.

В заключении хочется отметить наиболее актуальные исследовательские проблемы в изучении деревянного замкового зодчества на территории Беларуси эпохи Великого Княжества Литовского. В первую очередь необходимо активизировать археологические раскопки соответствующих памятников (городищ/замчиц) с целью выяснить более глубоко генезис и строительную историю каждого замка, общее и специфическое, их хронологию, фортификационные сооружения, внутреннюю структуру, материальную и ежедневную бытовую культуру. Дальнейшего усовершенствования заслуживает типология средневековых деревянных замков и замков Нового времени, с определением их места

и роли в *architectura militaris* ВКЛ. Паралельно должны активизироваться архивные поиски новых и переосмысление известных письменных источников, которые позволили бы выяснить социальные функции замков, уточнить их владельцев на протяжении всей истории, зафиксировать периоды катастроф и возрождения, более точно реконструировать их внешний и внутренний вид. И наконец, деревянные замки времен Великого Княжества Литовского с территории Беларуси должны изучаться в одном целом с аналогичными с Литвы и Украины. Так как в XIV–XVII вв. они составляли единый культурологический феномен в границах ВКЛ, правда, со своими региональными физико-географическими, социально-политическими и архитектурными особенностями.

BALTARUSIJOS XIV–XVII A. MEDINIŲ PILIŲ TYRIMŲ PROBLEMOS

Straipsnio santrauka

GENADZIJ SEMIANČIUK

Gardino Jankos Kupalos valstybinis universitetas, Archeologijos ir etnologijos katedra

Šiuolaikinėje mokslinėje literatūroje žodžiu „pilis“ apibrėžiama gyvenvietė, turinti fortifikacines sistemas (medines arba mūrines gynybines sienas, fosas, pylimus, bokštus-donžonus, vartus ir tiltus), gyvenamuosius pastatus (rūmus), sakralinius pastatus (koplyčias, šventyklas) ir ūkinius statinius (arklides, varyklas, kepyklas, sandėlius). Vakarų Europoje *architectura militaris* terminu paprastai apibūdinami gynybiniai kompleksai: piliavietės ir pilys (būdingi viduramžių epochai), įtvirtinti miestai ir tvirtovės (būdingi naujesiems amžiams). Tuo tarpu archeologiniu požiūriu „viduramžių pilis“ – tai archeologijos paminklo kategorija, turinti gynybinę sistemą, užimamo ploto dydį ir formą, kultūrinių sluoksnių storį, kur aptinkami šioms vietovėms būdingi radiniai (ginklai, raitelių ekipuotės fragmentai, juvelyriniai dirbiniai, sakraliniai ir buitiniai daiktai). Žvelgiant istoriko sociologo akimis, „pilis“ – tai įtvirtinta kunigaikščio rezidencija, administracinis, karinis, ūkinis ir kultūrinis-religinis centras, turėjęs įtakos valstybės arba privačios valdos mastu. Pilys, išsidėsčiusios arti valstybinių sienų, paprastai atliko forpostų vaidmenį. Jos galėjo būti valstybinės arba privačios. Šios charakteristikos neprieštarauja viena kitai, o viena kitą papildo, nes „pilis“ – tai daugiasluoksnis sudėtingas reiškinys, kunigaikščio arba privačios valdos centras, kuris vienu metu reprezentuoja ir administracinę, ir karinę valdžią.

Tačiau rytų slavų teritorijose ir metraščiuose žodžiui „pilis“ yra tapačios lekšemos „senovinis miestas“, „dvaras“. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės rusėnų kalboje „pilis“ nuo XIV a. laipsniškai išstūmė senąją „miesto“, „gyvenvietės“ sąvoką. Būtent nuo XIV a. „pilis“ žymėjo centrinį miestų gynybinį punktą, fortifikaciją, skirtą apginti kunigaikštį ir jo kariauną, valdovo gyvenamąją vietą. Dabartinės Baltarusijos, Lietuvos ir Ukrainos teritorijose labiausiai paplito lekšemos „pilis“ ir „miestas“, nurodančios įtvirtintą gyvenvietę. Baltarusių toponimikoje susidarė itin būdingi įvardijimai: Aukštutinė ir Žemutinė Polocko ir Vitebsko pilys, Senoji ir Naujoji pilys Gardine, Pilies kalnas Brėslaujoje, Pilies kalnas ir Mažoji pilis Naugarduke, Pilaitė, Piliavietė, Karalienės Bonos pilis etc. Šie pavadinimai atspindi viduramžių miestų formavimosi tradicijas. Toponimą „pilis“ ir jo formas aptinkame kiekviename Baltarusijos mieste, kuris susiformavo iki XIV a. Šio žodžio reikšmė panaši ir dabartinėje lietuvių kalboje. Reikia pažymėti, kad rusų kalboje žodis „pilis“ imtas vartoti gana vėlai (XVIII–XIX a.) – jis perimtas iš lenkų kalbos, tarpininkaujant baltarusiams. Šis trumpas ekskursas į lingvistikos istoriją parodo teritorijų giminingumą ir didelius skirtumus tarp Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos kunigaikštystės fortifikacinės architektūros srityje.

Pilys atsiranda ten, kur susiformuoja feodalinė visuomenei būdinga stambioji žemėvalda, laipsniškai

įgyjanti imunitetą. Centrinės ir Rytų Europos tautų istorijai ilgą laiką buvo taikoma marksistinė-lenininė feodalizmo genezės koncepcija (pateikta B. Grekovo, B. Rybakovo, V. Mavrodino, B. Pašutos ir kitų istorikų darbuose). Jų nuomone, feodaliniai santykiai (privati žemės nuosavybė ir vasalinė priklausomybė) rytų slavų gyvenamose teritorijose susiformavo VIII–IX a. ir iki X–XI a. šis procesas pasibaigė. Šio laikotarpio kunigaikščių ir bajorų privatūs centrai buvo laikomi „feodalinėmis pilimis“. Šios ankstyvųjų viduramžių „valstybės“ buvo laikomos turinčiomis „antagonistines klases“. Pagal šią koncepciją įtvirtintos gyvenvietės plėtojosi kaip feodalų gynybiniai punktai, siekiant apsiginti nuo nepatenkintų valstiečių.

Su šia sovietinių istorikų pozicija negalima sutikti. Ankstyvųjų viduramžių valstybiniai dariniai Rytų Europoje neturėjo klasikinių feodalinės santvarkos bruožų. Tai nebuvo feodalizmas, paremtas lenine sistema ir vasaliniais ryšiais, stigo ir dviejų pagrindinių šios sistemos principų – žemės valdų ir asmeninės priklausomybės. Neklasikiniai feodaliniai socialiniai ir politiniai bei ekonominiai santykiai buvo būdingi pirmųjų Piastų Lenkijoje, Pšemislidų Čekijoje, Arpadų Vengrijoje, kunigaikščių Riurikaičių Kijevo Rusijoje X–XIII a., taip pat Lietuvos Didžiąjai Kunigaikštystei nuo Mindaugo iki pat Jogailos ir Vytauto valdymo. Lenkų medievistas Karolis Modzelewskis vykusiai pavadino šią socialinę-politinę sistemą „kunigaikščių teisės sistema“. Jos esmė – visų šalies gyventojų pareiga mokėti duoklę ir atlikti įvairias funkcijas, būtinas kunigaikščio dvaro ir administracijos išlaikymui. Pagal viešpatavusią socialinės hierarchijos sistemą kunigaikštis formaliai buvo visos valstybės žemės šeimininkas, tačiau jo valdžia nebuvo absoliuti. Nuo pat „kunigaikščių teisės sistemos“ susikūrimo valstybės valdžioje egzistavo jėgos, kurios ribojo valdovo savivalę. Tiesa, didikų reikšmės šioje politinėje struktūroje negalime pervertinti, nes ir jie buvo visiškai priklausomi nuo kunigaikščio. Svarbi šios sistemos grandis, garantuojanti valstybės saugumą, buvo įtvirtintų gyvenviečių tinklas. Senovės miestai buvo sustiprinti medinėmis užtvaramis ir žemės pylimais, giliais grioviais. Tokioje gyvenvietėje ne tik kūrėsi miestiečiai, bet buvo ir nuolatinė įgula. Todėl X–XIII a. Rytų Europoje neaptinkami privatūs miestai ir pilys. Pirmosios didžiųjų kunigaikščių pilys Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorijoje atsirado tik XIV a. Jų liekanas matome Vilniuje, Naugarduke, Trakuose, Medininkuose, Lydoje, Krėvoje. Feodalizmo genezės Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje pastarųjų metų tyrimai liudija, kad šios sistemos susiformavimą galima datuoti ne anksčiau kaip XIV a. paskutiniuoju ketvirčiu. Būtent šiame laikotarpyje glūdi dabartinės Baltarusijos teritorijos „kastelizacijos“ atskaitos taškas.

XIV–XVIII a. Baltarusijos pilių tipologija mokslinėje literatūroje galutinai nesuforuota. Esama kelių išankstinių prielaidų. Plačiau paplitęs pilių suskirstymas į medines ir mūrines. Geriausiai pagrįstą tipologiją yra pristatęs prof. Michailas Tkačiovas. Remdamasis socialinėmis ir istorinėmis prielaidomis, jis išskyrė 1) gotikinius mūrinius bokštus-donžonus (Kamenece, Gardine, Brastoje, Naugarduke, Turove), 2) valstybines mūrines pilis-kastelius (Lyda, Krėva, Medininkai) ir daugiabokštes pilis (Gardinas, Naugardukas, Orša), 3) privačias pilis (mūrinės Myrius, Geranainių, Ikaznės, Medelių, Liubčios pilys, medinės Radaškonių, Lyskovo, Gorodoko, Myšo pilys), 4) miestų fortifikacijas, kurios nuo XVI a. keliomis gynybinėmis linijomis juosė miesto centrą ar gyvenvietę (Polockas, Vitebskas, Sluckas, Mogiliovas, Brasta, Rečyca), 5) įtvirtintus sakralinius pastatus (cerkvės Sinkevičiuose, Myrovankoje, Supraslyje, Polocko Sofijos soboras, Kamajų bažnyčia, protestantų maldos namai Kaidanove, Astašine, Zaslavlyje, sinagoga Bychove), įtvirtintus gyvenamuosius namus (rūmai-pilaitė Gaidžiūniškėse), 6) privačias europinio tipo pilis su bastionine gynybine sistema (Nesvyžius, Zaslavlis, Bychovas, Gluskas, Karolinas prie Pinsko ir kt.). Pylis skiriasi ir savo topografinėmis charakteristikomis (aukštumų, žemumų). Jurijus Jakimovičius šioje tipologijoje išskyrė seniūnų pilis (Kobrinė, Bobruiskas, Kričevas, Rogačiovas). Jurijus Zajacas, plėtodamas topografines Baltarusijos pilių grupes, mūrinių pilių topografijos ypatybes pritaikė medinėms. Jo tipologijoje išskiriamos 1) aukštumų medinės pilys, kurių konfiguracija priklauso nuo kalno aikštelės formos arba aikštelė dirbtinai išlyginama (Ostošickio Gorodoko, Losko, Radaškonių, Rakovo, Senoji pilis Alšėnuose), 2) salų, pusiasalių, kitokių sunkiai prieinamų vietovių pilys (Drūkšių, Ezeriščės, Lyskovo, Molodečno, Solomerečjės), 3) pilys, pastatytos ant aukštų upių krantų, su fosomis ir pylimais, dažniausiai L formos (Lohoiskas, Myšas), 4) dvinarės pilys, susidedančios iš pilies ir priešpilio (Dubrovnas, Žlobinas, Lyskovas), 5) privačių miestų pilys, išsaugojusios senesnių XI–XIII a. įtvirtintų gyvenviečių konfiguraciją (Zaslavlis, Kleckas, Lohoiskas, Druckas, Braginas, David-Gorodokas, Turovas, Brėslauja).

Medinės Baltarusijos pilys tyrinėjamos istoriniu, architektūriniu ir archeologiniu aspektais. Tyrimai pradedami nuo inventorių ir kitų rašytinių šaltinių bei kartografijos studijų. XX a. pradžioje buvo paskelbti Ivano Rūsčiojo įsakymu pastatytų Polocko pilies įtvirtinimų piešiniai (kartografas Stanislovas Pacholoveckis, 1579 m.), Vitebsko pilies „brėžinys“ (1664 m.). Remiantis XVI–XVII a. inventoriais buvo aprašytos Svisločės, Polocko, Borisovo pilys. XVI a. Vitebsko apylinkių medinės pilis aprašė B. Brežgo (knyga išleista Vilniuje 1933 m.). Baltarusių architektūros istorikai, remdamiesi 1549 m. inventoriumi, pasiūlė Radaškonių pilies rekonstrukciją, o pagal Istorijos archyve išlikusius XVII a. planus buvo atlikta Svisločės (Osipovičių rajonas) pilies rekonstrukcija. Atskirą tyrimą, skirtą šios pilies topografijai, planui ir fortifikacijoms, paskelbė Vadimas Košmanas (2001). Specialią studiją medinėms

Baltarusijos pilims paskyrė Jurijus Jakimovičius (1989). Autorius sugrupavo pilis į valstybines, seniūnijų ir privačias, nurodė, kad ypač dideli pokyčiai medinių įtvirtinimų statyboje įvyko XVI a., keičiantis konstrukcijoms. XVIII a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės rytinėje dalyje seniūnijų centrai ir privačios rezidencijos dar tebebuvo ginamos senomis fortifikacijomis, o vakaruose jos jau buvo sunaikintos, plečiantis didžiulių privačių rezidencijų su rūmais ir parkais statyboms. Pagrindinė medinių pilių sunykimo priežastis – karinės technikos pažanga (artilėrija) ir naujų urbanistinių koncepcijų miestų statyboje perėmimas. Savo tyrimus J. Jakimovičius pratęsė sudarydamas specialų informacinį leidinį apie XVI–XVII a. Baltarusijos pilis (čia aptartos 29 pilys). Dėmesio vertos pasiūlytos kai kurių pilių rekonstrukcijos, pvz., Dubrovnos, Kamenece, Losko ir kt. Anatolijus Kulaginas daugiatomiam darbe *Baltarusijos architektūra* apžvelgė X–XVIII a. gynybinius kompleksus bendros europinės ir slavų tradicijų kontekste. Paskutinis iš šiuolaikinių baltarusių autorių gynybinių sistemų aprašymus tyrinėjo Jurijus Bochanas. Ikonografiniai ir istoriniai tyrimai parodė, kad daugelio šių objektų paslapčių neįmanoma įminti be archeologinių tyrinėjimų. Šiuolaikinė baltarusių archeologija daug dėmesio skiria XII–XIV a. metraščiuose minimiems senoviniams miestams ir pilims. Tyrimų rezultatai padėjo rekonstruoti seniausių gynybinių pilių įtvirtinimus (fosas, pylimus, medines sienas ir bokštus). Nuo XX a. pradžios tyrinėjamos seniausios mūrinės pilys (Kameneco bokštas, Lyda, Krėva, Naugardukas, Gardinas, Myrius, Medeliai, Zaslavlis).

Archeologiniai Baltarusijos medinių pilių tyrimai prasidėjo palyginti neseniai. Išaiškinti 72 paminklai, kuriuos tyrinėjo ir aprašė archeologai XX a. antroje pusėje ir kurių identifikaciją patvirtino rašytiniai šaltiniai (inventoriai, arsenalų aprašymai). Tačiau dažnai archeologiniai tyrimai būdavo fragmentiški, apsiribota topografijos ir pirminė kultūrinių sluoksnių analize. Daugiausia domėtasi XI–XIII a. gynybiniais pylimais, sutvirtintais medinėmis konstrukcijomis. Atskirais atvejais rašytinė informacija leido giliau ištirti gynybines sistemas, lokalizuoti atskirų medinių statinių struktūrą, identifiukuoti unikalius statinius. Kai kurie iš tirtų objektų – Vitebsko, Polocko, Brastos, Mstislavlio, Slucko, Oršos pilys – tai centriniai vaivadijų ir pavietų punktai, kurių aptarimui kiekvienu atveju reikėtų atskiro straipsnio. Mūsų nuomone, jie dar nepakankamai ištyrinėti. Todėl šiame darbe jie nėra aptariami. Dėl tos pačios priežasties neminimos bastioninės pilys Zaslavlyje, Liachovičiuose, Nesvyžiuje, Geranainyse ir kitur.

Toliau straipsnyje pateikiami archeologinių tyrimų duomenys apie medines pilis Molodečno, Kričevo, Gorodoko (Molodečno rajonas), Ezeriščės (Gorodoko rajonas), Dubrovnos (Dubrovnos rajonas), Glusko (Glusko rajonas), Mstislavlio miestuose. Šių pilių gynybiniai įtvirtinimai dar veikė XVII a. viduryje – antroje pusėje. Seniausi įtvirtinimai datuojami XII–XIII a. (Kričevo, Mstislavlio pilys). Medinės pilys buvo statomos XV a. pabaigoje – XVI a., nors mūrinė statyba tuo metu jau buvo plačiai paplitusi (Gorodoko, Dubrovnos, Glusko pilys).

Archeologinė medžiaga leidžia manyti, kad mediniai pastatai buvo šildomi renesansinių koklių krosnimis, rąstų konstrukcijos buvo sustiprinamos akmenimis, statomi aukšti mediniai bokštai-donžonai (Dubrovno pilis). Ypač įdomus buvo Mstislavlio senovinis miestas. Šiame buvusios kunigaikštystės centre, šiaurinėje pilies dalyje, nuo XII iki XVII a. vidurio, t. y. visą medinio priemiesčio egzistavimo laikotarpį, buvo penkis kartus atstatytas ypatingas pastatas – cerkvė-donžonas. Du kartus ši cerkvė buvo pastatyta iš ažuolo. Paskutinis statinys – penktasis chronologiškai – buvo aštuonkampis, jis buvo sugriautas 1654 m., per Maskvos kazokų kariuomenės, vadovaujamos kunigaikščio Aleksejaus Trubeckojaus, šturmą. Pastato viduje ir greta jo buvo rasta palaidojimų. Medinė cerkvė, sprendžiant iš jos konstrukcijos, sienų storio ir poreikio ją atstatyti kelis šimtus metų iš eilės, matyt, kartu buvo ir bokštas-donžonas – labai svarbus medinės pilies gynybinis punktas.

Medinės pilyš Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorijoje pradėjo nykti XVI a. viduryje, vykstant kardinalioms ekonominio gyvenimo reformoms ir

įsigalint privačiai žemėvaldai. Vietoj pilių atsirado privatūs dvarai ir rūmai. Šis procesas vakarinėje šalies dalyje vyko sparčiau, o rytinėje, nuolat jautusioje Maskvos Didžiosios Kunigaikštystės agresiją, jis buvo lėtas, todėl čia ilgai išsilaikė medinių pilių statybos tradicijos.

Medinių pilių dabartinės Baltarusijos teritorijoje tyrimai atskleidė problemas, susijusias su šių statinių geneze, chronologija, funkcijomis, fortifikacinių statinių struktūra. Tolesnio tobulinimo galima tikėtis aptariant viduramžių medinių pilių tipologiją, būtinos tolesnės archyvinė šaltinių paieškos, reikėtų patikslinti šių pilių savininkus, katastrofų ir atstatymų kaitą. Tai padėtų tiksliau rekonstruoti jų išorę ir vidų. Medines Baltarusijos pilies reikėtų tyrinėti istoriniame Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės, apimančios dabartinės Lietuvos, Baltarusijos ir Ukrainos teritorijas, karinės architektūros kontekste. Tai vienalytis XIV–XVII a. kultūrinis reiškinys, turįs regioninius socialinius ir geografinius-fizinius skirtumus, tačiau bylojant apie kadaise didžiulės valstybės galią ir istorinį palikimą.

Henadzi Semianchuk

Yanka Kupala State Hrodna University, Department of Archaeology and Ethnology

Research Problems of 14th–17th-century Belarusian Wooden Castles

Summary

The term 'castle' has been defined in contemporary science in respect to architecture, archaeology, and history – sociology. The polysemy of the concept of 'castle' developed out of the complexity and diversity of the phenomenon itself. Each definition augments the others. A castle was the fortified residence of a large landowner, i.e. a monument of the art of fortification and a symbol of the civil and military government. At the same time a castle was private property, the centre of a large holding, and a private unit with its own managers and services. A castle is not a fortified city. Beginning in the 14th century, the term, 'castle', in the conception of the inhabitants of the Grand Duchy of Lithuania, began to mean a city's central defensive point, which was ringed by defensive fortifications. It was also a fortification structure intended to be the residence of a duke, a magnate, or a high church official. The words '*miasto/mecma*' together with the lexeme '*zamak/zamok*' are the most widespread descriptions of all the fortified settlements in the territory of Belarus, Lithuania, and Ukraine up until the late 18th century. We encounter the toponym 'castle' and its forms in every Belarusian city settled prior to the 14th century. '*Piliakalnis*' also means 'castle hill' in Lithuanian. The word 'castle' ('*zamak/zamok*') began to be used fairly late (in the 18th–19th century) in modern Russian and was taken from Polish through Belarusian. This linguistic distinction shows the big differences between the Grand Duchy of Lithuania and the Principality of Moscow in the area of fortification architecture.

A 'castle' appeared at that time and place, where feudal relationships formed, especially one of the main factors of these relationships, big land ownership (by a duke,

the Church, or a noble/member of the *szlachta*). This land ownership gradually became ever more independent. The first grand ducal or state castle was erected in the territory of the Grand Duchy of Lithuania in the 14th century. Their ruins survive in Vilnius, Trakai, Medininkai (Lithuania), Navahrudak, Lida, and Kreva (Belarus). This was the age of 'castelization' for Belarus.

No typology of 14th–18th-century castles has been created in Belarusian historical and archaeological scientific literature. But several preliminary suggestions do exist. The division into wooden and masonry castles is the most common (A. Mityanin, J. Bokhan). Prof. Mikhail Tkachou has proposed the most justified and complex typology. He divided castles into six types on the basis of social and historical factors and into three types on the basis of the topographical characteristics. The Tkachou typology is used by Architecture Historian Y. Yakimovich and Archaeologist Y. Zayac.

The research into Belarusian wooden castles is occurring in two directions: the history and architecture of the castles is being studied and archaeological research is being conducted. Those investigating the first direction, i.e. historians and architecture historians, study the castle inventories as well as the narrative and cartographic sources and, on the basis of architectural measurements of the surviving buildings and ruins, attempt to describe the exterior and interior structure of the castles, characterise the reconstructions, and determine the owners (A. Sapunov, D. Dovgialo, B. Brezhgo, A. Mityanin, Y. Yakimovich, A. Kulagin, M. Tkachou, and J. Bochan). Not every castle has written and iconographic sources. These sources rarely go back to the 16th century, usually

going only to the 17th or 18th century. Therefore archaeological investigations help to resolve many questions (when the castle was built, the construction history, the special features of the fortification structures, and the features of the material culture). The research into Belarusian wooden castles erected during the Grand Duchy of Lithuania (fortified city centres and *szlachta* residences), began late and have occurred fragmentally up until now. The well known Belarusian encyclopaedia *Археологія і нумізматыка Беларусі* and the books by M. Tkachou mention 72 wooden castles. Unfortunately, the archaeological investigation of these sites is limited to their topographical description and to small-scale excavations that seek to ascertain the thickness and chronology of the cultural layer. The castles at Drysviaty, Dysna, Surazh, Brahin, Horval', and Kletsk were excavated under the direction of Mikhail Tkachou; at Shklo?, Kopy, Haradok, and Surazh under the direction of Olga Levko; at Gory under the direction of Shamil Bektinejev; at Mazyr under the direction of Oleg Trusov, at Sverzhen' under the direction of Valerij Shabliuk; at Zaslavye under the direction of Yury Zajac, and at Kopy and Svislach under the direction of Edward Zagorulski. In individual instances information from historical inventories was able to supplement the archaeological investigations, to explain the defensive systems, and to locate the structural parts of the wooden castles, and in some instances unique structures were even discovered. For example, the 1976 and 1980 investigations at Maladzyechna by M. Tkachou; the investigations

of M. Tkachou and A. Metelskij at Krychow (1973–1976; 1987–1988; 1995–2000); the investigations of J. Zveruga, M. Tkachou, G. Saganovich, and I. Ganecka at Haradok (1966, 1973, 1989, 1998); O. Levko's investigations of the castles at Yezyaryshcha (1979) and Dubro?na (1996–1997); and the investigations of G. Saganovicz and I. Ganecka of the castle at Hlusk (1988, 1996–2008). In the 1960s–1970s, Archaeologist Leonid Vasiljevich Aleksejev discovered a unique wooden defensive structure: an Orthodox church – donjon at the castle in the old town of Mstsislaw.

Currently the most important scientific research problems connected with the investigation of wooden Belarusian castles from the 14th–18th centuries are: to increase and expand the archaeological investigation of the discovered sites of wooden castles in order to better ascertain the genesis and construction history of each castle, its chronology, the fortification structures, the interior structure, and the relics of the everyday material culture. It is imperative to further improve the typology of medieval and Modern Age castles, to determine their location and role in the general panorama of the *architectura militaris* of the Grand Duchy of Lithuania, to deepen the knowledge and expand the search for new written sources, which would help to ascertain the social function of the castles, to correct the chronology of the owners, to highlight the catastrophic periods and years of prosperity, and to more accurately reconstruct the castle interiors and exteriors. Studies comparing wooden Belarusian castles with analogous Lithuanian and Ukrainian complexes are needed.

¹ L. Kajzer, *Zamki i społeczeństwo. Przemiany architektury i budownictwa obronnego w Polsce w X–XVIII wieku*, Łódź, 1993, s. 11.

² Ibid., s. 13.

³ М. А. Ткачоў, *Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст.*, Мн., 1978, с. 42–43.

⁴ Л. Ул. Дучыц, *Археалагічныя помнікі ў назвах, вераваннях і паданнях беларусаў*, Мн., 1993, с. 7, 9.

⁵ K. Modzelewski, *Organizacja gospodarstwa państwa piastowskiego X–XIII w.*, Wrocław, 1975; K. Modzelewski, *Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej*, Wrocław, 1987; B. Krzemińska, D. Treštik, „Wirtschaftsgeschichtliche Grundlagen des frühmittelalterlichen Staates in Mitteleuropa (Böhmen, Polen, Ungarn im 10.–11. Jh.)“, *Acta Poloniae Historica*, 1979, № 40, s. 5–31; Д. Трештик, „Средневропейская модель государства периода раннего средневековья“, *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*, М., 1987, с. 124–133; L. Kajzer, *Zamki i społeczeństwo*, s. 41–70.

⁶ Для территории Восточной Европы более подробно см.: Г. Семянчук, „Да праблемы генезісу і функцыянальнага прызначэння раннесярэднявечных умацаваных паселішчаў-замкаў на тэрыторыі Беларусі“, *Castrum, urbis et bellum: Зборнік навуковых прац*, Баранавічы, 2002, с. 349–361.

⁷ А. І. Груша, „«И привилеем своим подтвердил»: у вытокаў пісьмовай культуры Вялікага Княства Літоўскага“, *Памяць стагоддзяў на карце Айчыны: зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фёдаравіча Спірыдонава*, Мінск, 2007, с. 198–240.

⁸ А. Я. Митянин, Н. Н. Вараксин, „К вопросу о деревянном замковом строительстве в Белоруссии (XVI–XVIII вв.)“, *Сборник научных работ Института строительства и архитектуры АН БССР*, Мн., 1960, вып. 3, с. 200–209.

⁹ Ю. М. Бохан, *Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст.*, Мн., 2008, с. 394–435.

¹⁰ М. А. Ткачоў, *Замкі Беларусі (XIII–XVII ст.)*, Мн., 1977, 2-е изд. 1987; М. А. Ткачоў, *Абарончыя збудаванні Заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст.*, Мн., 1978; М. А. Ткачоў, *Замкі і людзі*, Мн., 1991.

¹¹ М. А. Ткачоў, „Замак“, *Археологія і нумізматыка Беларусі. Эцыклапедыя*, Мінск, 1993, с. 260–261.

¹² Ю. А. Якімовіч, „Драўляныя замкі Беларусі XVI–XVIII стст.“, *Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні. Зборнік артыкулаў*, рэд. С. В. Марцэлеў, Мн., 1989, с. 120–124.

¹³ Ю. А. Заяц, „Замкі“, *Археологія Беларусі. У 4-х тамах*, т. 4: *Помнікі XIV–XVIII стст.*, Мн., 2001, с. 69–72.

¹⁴ Ibid., с. 71.

¹⁵ Автором данных рисунков, созданных во время военной компании Стефана Батория по освобождению Полоцка в 1579 г., считается Станислав Пахоловецкий, при участии королевского геометра Петра Француза. Stanisław Alexandrowicz, *Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku*, wydanie II poprawione i uzupełnione, Poznań, 1989, s. 195.

¹⁶ А. П. Сапунов, „Чертеж города Витебска 1664 года“, *Труды Витебской ученой архивной комиссии*, Витебск, 1910, кн. 1, с. 1–31; А. П. Сапунов, „Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Васильевича Грозного после завоевания Полоцка в 1563 г.“, *Полоцко-Витебская старина*, Витебск, 1912, вып. 2, с. 310–312.

¹⁷ Д. І. Даўгяла, „Свіслацкі замак 1560 г.“, *Наш край*, 1927, № 6–7; Д. І. Даўгяла, „Ролосае моенія“, *Запіскі аддзялення гуманітарных навук*, Мінск, 1928, кн. 3, т. 2; Д. І. Даўгяла, „Барысаўскі замак“, *Працы археалагічнай камісіі*, Мн., 1930, т. 2.

¹⁸ Б. Бржго, *Замкі Віцебшчыны*, Вільня, 1933.

¹⁹ А. Я. Митянин, Н. Н. Вараксин, „К вопросу о деревянном замковом строительстве в Белоруссии (XVI–XVIII вв.)“, с. 200–209.

²⁰ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, ф. 694, ап. 1, адз. зах. 287, ар. 9, 19в, 20, 21, 23; С. А. Сергачев, „Деревянный замок середины XVII в. в Свислочи“, *Архитектурное наследие*, М., 1982, № 30, с. 32–36.

²¹ В. І. Кошман, „Тапаграфія, планіроўка і фартыфікацыя Свіслацкага замка ў XII–XVII стст.“, *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*, Мінск, 2001, № 3: *Да 70-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенка*, с. 187–194.

- ²² Ю. А. Якимович, „Драўляныя замкі Беларусі XVI–XVIII стст.“, с. 120–124.
- ²³ Ю. А. Якимович, *Зодчество Беларуси XVI – середины XVII вв.: Справочное пособие*, Мн., 1991.
- ²⁴ А. Н. Кулагин, „Абарончая архітэктура Беларусі X–XIV стст. у кантэксце славянскай і агульнаеўрапейскай будаўнічай культуры“, *Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходняславянскім і еўрапейскім кантэксце. У 4-х тамах*, т. 1: IX–XIV стст., Мн., 2005, с. 296–373; А. Н. Кулагин, „Абарончая і палацава-сядзібная архітэктура XV – пачатку XVIII стст.“, *Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходняславянскім і еўрапейскім кантэксце. У 4-х тамах*, т. 1: XV – сяр. XVIII стст., Мн., 2006, с. 392–511.
- ²⁵ Ю. М. Бохан, *Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст.*, Мн., 2008, с. 397–410.
- ²⁶ *Археалогія Беларусі. У 4-х тамах*, т. 3: *Сярэднявекавы перыяд (IX–XIII стст.)*, Мн., 2000, с. 110–133; 168–337; Н. Siemiańczuk, „Stan badań i możliwości badawcze archeologii przedlokacyjnych i lokacyjnych na ziemiach białoruskich“, *Procesy lokacyjne miast w Europie Środkowo-Wschodniej. Materiały z konferencji międzynarodowej w Ładku Zdroju 28–29 października 2002 roku* (w: *Acta Universitatis Wratislaviensis*, Nr. 2985), Wrocław, 2006, s. 317–326.
- ²⁷ М. А. Ткачоў, *Замкі Беларусі (XIII–XVII стст.)*; М. А. Ткачоў, *Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст.*, 1978; О. А. Трусаў, *Памятнікі монументальнага зодчества Беларусі XI–XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ*, Минск, 1988; А. К. Краўцэвіч, *Гарады і замкі Беларускага Панямоння (планіроўка, культурны слой)*, Минск, 1991; А. А. Трусаў, В. Е. Собаль, Н. І. Здановіч, *Стары Замак у Гродна XI–XVIII стст. (гістарычна археалагічны нарыс)*, Минск, 1993; Н. І. Здановіч, А. К. Краўцэвіч, А. А. Трусаў, *Матэрыяльная культура Міра і Мірскага замка*, Минск, 1994; Ю. А. Заяц, *Заславль в эпоху феодализма*, Минск, 1995; Н. Siemiańczuk, „Wstęp do archeologii historycznej Białorusi“, *Archeologia Historica Polona*, 2005, t. 15/2, s. 270–281.
- ²⁸ О. Н. Левко, „Изучение Шкловского замка второй половины XVI – первой половины XVIII вв.“, *Материалы по археологии Беларуси*, 2006, вып. 11, с. 171–194.
- ²⁹ О. Н. Левко, *Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие*, Минск, 2004, с. 112–113.
- ³⁰ *Ibid.*, с. 115–116.
- ³¹ О. Н. Левко, „Исследования в северо-восточной Белоруссии“, *Археологические открытия 1980 г.*, М., 1981, с. 340–341.
- ³² Ш. И. Бектинеев, О. Н. Левко, „Средневековые Горы“, *Сярэднявекавыя старажытнасці Беларусі: Новаыя матэрыялы і даследаванні*, Минск, 1993, с. 8–19.
- ³³ А. А. Трусаў, Н. І. Здановіч, „Новае пра старажытны Мазыр (па матэрыялах археалагічных даследаванняў 1981–1984 гг.)“, *Сярэднявекавыя старажытнасці Беларусі: Новаыя матэрыялы і даследаванні*, Минск, 1993, с. 20–32.
- ³⁴ В. Шаблюк, „Замак у Сверхані“, *З глыбі вякоў. Наш край. Гістарычна-культуралагічны зборнік*, Минск, 1997, вып. 2, с. 27–31.
- ³⁵ См. соответствующие статьи в энциклопедии *Археалогія і нумізматыка Беларусі*, Минск, 1993.
- ³⁶ Ю. А. Заяц, *Заславль в эпоху феодализма*, с. 28–31.
- ³⁷ Э. М. Загорюльский, „Открытия в Копыси“, *Нёман*, 1973, № 1, с. 190–191.
- ³⁸ В. І. Кошман, „Тапаграфія, планіроўка і фартыфікацыя Свіслацкага замка ў XII–XVII стст.“, с. 187–194.
- ³⁹ Г. Н. Семенчук, „Раннесредневековый археологический комплекс Дрисвяты“, *Lietuvos archeologija*, 2001, t. 21, p. 300.
- ⁴⁰ М. А. Ткачоў, „Дзісенскі замак“, *Археалогія і нумізматыка Беларусі. Эцыклапедыя*, Минск, 1993, с. 219.
- ⁴¹ М. А. Ткачев, А. И. Королёв, „Работы Днепро-двинского отряда“, *Археологические открытия 1977 г.*, М., 1978, с. 429.
- ⁴² В. С. Пазднякоў, „Умацаванні Клецка XI–XVIII стст.“, *Гістарычна-археалагічны зборнік. Памяці Міхася Ткачова. У 2-х частках*, Минск, 1993, ч. 2, с. 77–92.
- ⁴³ О. Н. Левко, *Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие*, с. 104–106.
- ⁴⁴ О. Н. Левко, „Исследования в Городке Витебской области“, *Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов*, Псков, 1988, с. 75–77; О. Н. Левко, *Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие*, с. 115–116.
- ⁴⁵ М. А. Ткачоў, *Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст.*, с. 92; М. А. Ткачоў, *Замкі і людзі*, с. 127–127; М. А. Ткачоў, „Маладзечанскі замак“, *Археалогія і нумізматыка Беларусі. Эцыклапедыя*, Минск, 1993, с. 292.
- ⁴⁶ Ю. А. Заяц, „Замкі“, с. 82.
- ⁴⁷ Ю. А. Якимович, *Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII вв.*, с. 211–214. Тут же графическая реконструкция автора фасада и плана усадебного дома по инвентарю 1623 г.
- ⁴⁸ Г. А. Каханоўскі, *Маладзечна*, Минск, 1971, с. 7–10; Ю. А. Якимович, *Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII вв.*, с. 211.
- ⁴⁹ А. А. Мясцельскі, *Старадаўні Крычаў: Гістарычна-археалагічны нарыс горада са старажытных часоў да канца XVIII ст.*, Минск, 2003, с. 26–30, 32–39.
- ⁵⁰ А. А. Мясцельскі, *Старадаўні Крычаў*, с. 36–39.
- ⁵¹ М. А. Ткачоў, *Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст.*, с. 58; І. Ганецкая, „Гісторыя фартыфікацыі гарадзішча ў в. Гарадок Маладзечанскага раёна“, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, Минск, 2002, с. 175–180.
- ⁵² І. Ганецкая, Г. Сагановіч, Л. Церах, „Незвычайная сустрэча“, *Мастацтва*, № 6, с. 34–38; *Археалогія і нумізматыка Беларусі. Эцыклапедыя*, с. 162.
- ⁵³ О. Н. Левко, *Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие*, с. 114–115.
- ⁵⁴ О. Н. Левко, „Археологическое изучение Дубровенского замка“, *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі 27.03.1997 г.*, Полацк, 1998, с. 164–170; О. Н. Левко, *Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси*, с. 110–112.
- ⁵⁵ О. Н. Левко, „Археологическое изучение Дубровенского замка“, с. 167.
- ⁵⁶ Ю. М. Бохан, *Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст.*, с. 404.
- ⁵⁷ О. Н. Левко, „Археологическое изучение Дубровенского замка“, с. 167–168.
- ⁵⁸ М. А. Ткачоў, *Замкі і людзі*, с. 91–92; Ю. А. Якимович, *Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII вв.*, с. 130–132. Тут же графическая реконструкция фасада и план первого этажа дворца Нижнего замка Ю. Якимовича.
- ⁵⁹ І. Ганецкая, „Керамічны посуд з культурнага пласта 1522–1680 гг. Глускага замка: тэхналагічны аспект“, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, Минск, 2006, № 21, с. 158–162; І. Ганецкая, „Стратыграфія і храналогія культурнага пласту Глускага замку“, *Древности Беларуси (железный век и средневековье). Материалы по археологии Беларуси*, вып. 9, Минск, 2005, с. 42–56; І. Ганецкая, „Археалагічныя даследаванні ў Глускім замку“, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, Минск, 2005, № 20, с. 251–253; І. Ганецкая, „Замак XVI–XVIII ст. у Глуску: раскопкі 2002 г.“, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, Минск, 2003, № 18, с. 285–286; І. Ганецкая, „Характарыстыка крыніц па вывучэнні Глускага замка“, *Castrum, urbis et bellum: Зборнік навуковых прац*, Баранавічы, 2002, с. 118–125; І. Ганецкая, „Вежа-брама Глускага замка па дадзеных археалогіі і пісьмовых крыніц“, *Badania archeologiczne w Polsce Północno-wschodniej i na Zachodniej Białorusi w latach 2000–2001*, Białystok, 2002, s. 401–407.
- ⁶⁰ І. Ганецкая, „Стратыграфія і храналогія культурнага пласту Глускага замку“, с. 55–56.
- ⁶¹ М. А. Ткачоў, *Замкі і людзі*, с. 116–117; Ю. А. Якимович, *Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII вв.*, с. 81.
- ⁶² Л. В. Алексеев, „Проблема становления культурно-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле“, *Российская археология*, 1993, № 4; Л. В. Алексеев, „Древний Мстиславль в свете археологии“, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, № 6, Минск, 1995, с. 166–175; Л. В. Алексеев, *Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии и культуры: В 2-х книгах*, М., 2006, кн. 1, с. 231–241.
- ⁶³ Л. В. Алексеев, *Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии и культуры*, кн. 1, с. 237, рис. 91:113.
- ⁶⁴ W. Szabluk, „Dwory i folwarki na Zachodniej Białorusi w XVI–XVIII w.“, *Archeologia Historica Polona*, t. 3, Toruń, 1996, s. 289–300; М. А. Ткачоў, *Замкі і людзі*, Мн., 1991.